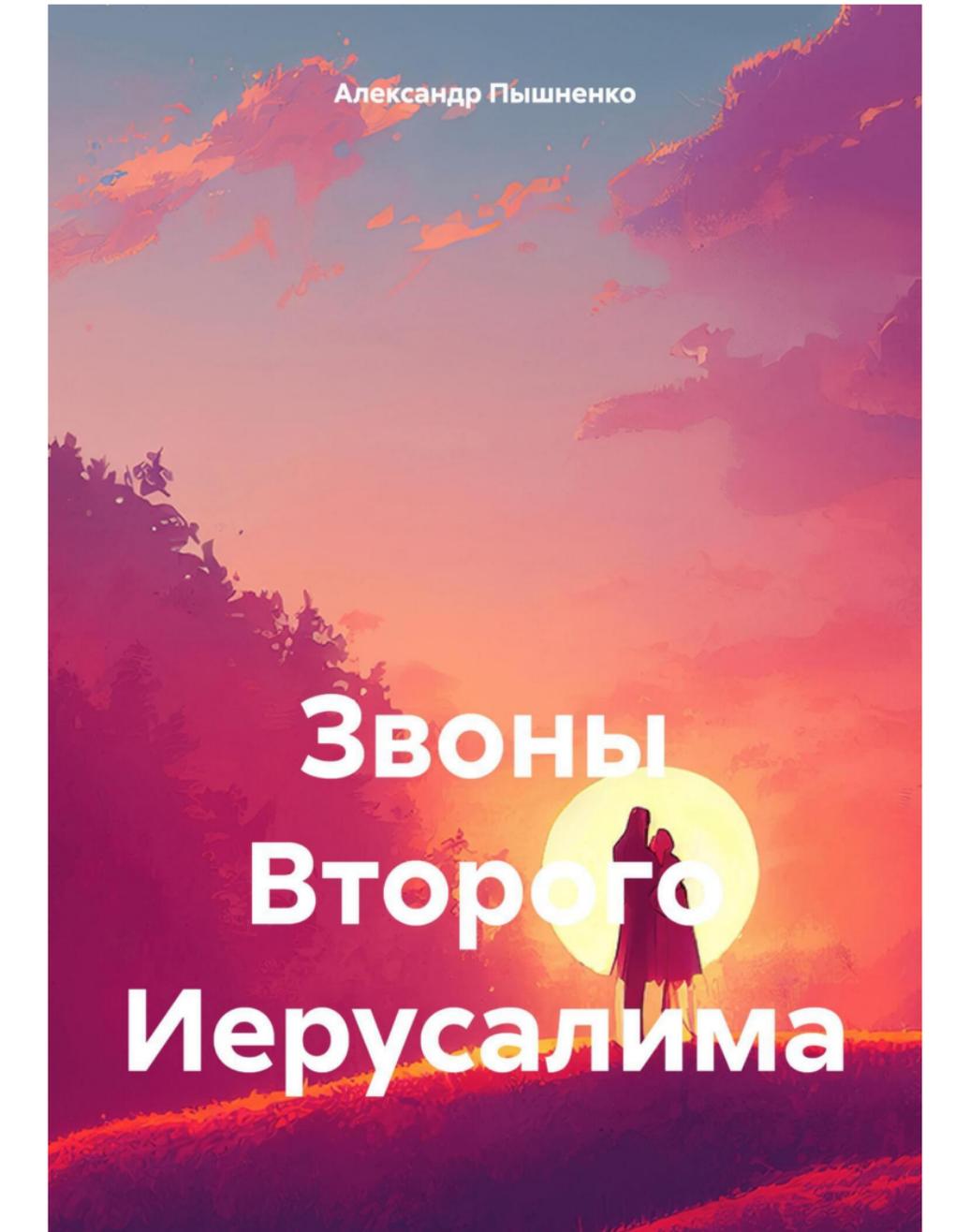

Александр Пышненко

The background of the cover is a stylized, painterly illustration. It depicts a landscape with a large, bright yellow sun or moon in the center. Two figures, a man and a woman, are silhouetted against the sun, standing together on a grassy hill. The sky is filled with soft, colorful clouds in shades of orange, red, and purple. The overall mood is romantic and atmospheric.

Звоны Второго Иерусалима

Александр Пышненко

Звоны Второго Иерусалима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70529680

SelfPub; 2024

Аннотация

Начало нулевых годов. Время, которое пришло на смену "диким" 90-м годам прошлого столетия. Начинается бурное развития постсоветских стран. Цикл жизненных рассказов сугубо творческого человека, попавшего в определенные жизненные обстоятельства, о жизни в столичном мегаполисе, со всеми ее плюсами и минусами выживания, которые обязаны вызвать у читателя целую гамму эмоций и чувств.

Александр Пышненко

Звоны Второго Иерусалима

КАК Я ПОПАЛ В СВЯТО–УСПЕНСКУЮ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКУЮ ЛАВРУ...

В церкви – смрад и полумрак,

Дьяки курят ладан...

Нет, и в церкви все не так,

Все не так, как надо!

(В.С. Высоцкий «Моя цыганская»)

1

Как я попал в Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру – тема отдельного, куда большего рассказа. Когда-то, возможно, очередь написать дойдет и до него.

Так уж получилось, что в Лавру я попадал два раза. И оба раза весной. Как раз во время большого православного поста.

В первый раз – это случилось в самом конце апреля.

Монахи приняли меня «трудником».

Трудники занимают последнюю ступень в этой монастырской иерархии. Им достается самая тяжелая и грязная работа.

С первого дня, мы, трудники, сгребали опавшие прошлогодние листья на склоне вдоль дороги, ведущей к Дальним пещерам...

Стояла теплая весенняя погода. Светило солнышко; пели звонко птички. В глубоком голубом небе плавали редкие белые облачка...

Вдруг из надвинувшихся из-за горизонта свинцовых туч, повалили густые хлопья мокрого снега. За считанное часы все склоны Лавры, – на вершинах которых стояли, будто наклеенные на матовую поверхность, роскошные золототерхие храмы и их прекрасные звонницы, – покрыл белый саван свежесвыпавшего снега.

Таяния снега хватило как раз на три дня. И все это время было сыро и неуютно. Ярко желтел своими цветами только куст форзиции за железной оградкой вдоль Галереи ведущей от Ближних пещер – к Дальним... Там же, под раскидистыми кронами растущих как попало деревьев, маячила небольшая фигурка монаха-садовника с белой бородой. Садовник хлопотал возле кустов смородины. Смородина у него росла ровными рядами.

Жуткая сырость в эти дни проникла во все щели. В нашей убогой грязной келье, где жило человек двадцать, сразу сделалось как-то мрачно.

Сами же кельи были очень древние. Наверное, еще до потопные? ... Никакие побелки стен и потолков уже не могли спрятать этой ветхости и древности. Трещины на них, – как

отметины веков, — только подтверждали мое предположение.

По тумбочкам и подоконникам, не взирая не на какие звонны колоколов, в поисках легкой поживы, рыскали отряды вездесущих тараканов.

Как только попадаешь в келью — в глаза лезет всякая мелочь, наподобие репродукций на разные церковные сюжеты... Изображение ликов всевозможных святых с золотыми нимбами над головами. Роскошные виды известных монастырей...

Все это вперемешку с грязной и чистой одеждой, которая висит и лежит, где попало. Большими грязными кучами.

В нос шибала какая-то особенная смесь запахов: несвободы, ладана и давно немых мужских тел. По таким мускусным «ароматам» можно сразу же было определять, что в таких местах обитают люди, которым приходится много и тяжело работать ради куска хлеба. С чем-то похожим мне разве что приходилось сталкиваться только на Байконуре в стройбате или на нефтяных разработках в Коми...

Работать здесь приходилось очень много. Лавра готовилась встретить как раз очередное светлое воскресенье. Хотела встретить его умытой и причесанной. До праздника Пасхи ее надо было вычистить так, чтоб она блистала, как купола ее великолепных храмов.

Блеск сусального золота на куполах, и восхитительная древность самой Лавры, привлекали сюда толпы туристов со всего мира. Туристы сорили деньгами. Далекое не бедные

монахи, нарушая обет не стяжательства, ездили на дорогих иномарках.

Рядом с нашим убожеством строились дорогие хоромы для лаврского начальства. Перестраивались кельи для монахов. Появлялись гаражи для целого табуна их шикарных автомобилей. Все это нахлынувшее на нее со всех сторон благолепие быстро превращало Лавру в монастырь повышенного комфорта...

Если нас монахи держали в черном теле, – то сами они даже во время поста питались неплохо. Монахи харчевались не просто рыбой, а лопали пеленгас. Нам же – трудникам – давали в трапезной каши да борщи на подсолнечном масле. Правда, давали всего, как говорится – есть от пуза.

Перед самым вербным воскресеньем, послушник взял меня на кухню чистить картофель. Тогда все емкости были забиты у них этим жирным пеленгасом. (У пеленгаса такие уродливые приплюснутые головы). На столах в это время лежали черные, толстые туши сомов.

В тот вечер, в нашей келье, появилась небольшая миска с солёной килькой. Моя голодная на подробности память отчетливо сохранила все эти мелочи.

На следующий день монахи пригласили к себе в трапезную известного певца Иво Бобула. Они шли туда, как солдаты, рядами. Только рясы заворачивались от поспешной ходьбы. Певец шел рядом, как капрал.

– Всех монахов в Лавре 92, – сказал мне вездесущий Сер-

гей. Он тоже трудник. Ему можно верить. Он всю жизнь скитается по монастырям. В который раз приходит на это святое место, в Лавру.

Певец Иво Бобул покинул их ровно через час. Его ладная фигурка с пышными волосами потом еще долго маячила на пустынной дороге ведущей к Верхней лавре.

Вообще жизнь в нашей келье чем-то смахивала на отношения людей в армейской казарме самого мрачного советского периода. Даже запахи, и те легко узнаваемые. В свое время я достаточно их нанюхался на Байконуре. Том самом – знаменитом космодроме. Строили там посадочную полосу для советского челнока. Я эти запахи впитал в свою память на всю жизнь. Это запах – несвободы и насилия... Работа на Севере и жизнь в вагончиках с бывшими зэками – это ощущение только закрепило в моем сознании.

Здесь тоже жили всякие люди... Не все они еще смирились со своим настоящим положением. Многие искали выхода...

...Гена был из Сумской области, мой земляк. Дома у него остались жена и дети. Он приехал в Киев на заработки, работал в "Киевэнерго", жил в благоустроенном общежитии. Получив хорошую зарплату, он тут же спустил деньги – часть пропил, а часть, говорил, что вытащили. Потом шатался пьяным в общежитии. Почему-то, жаловался, что увидели только его. Потом его выгнали с работы. Три дня он жил где-то под мостом... Думал броситься под поезд. Очевидно, он был

там не сам. Кто-то же привел его сюда? Тихий и скромный обыватель... Зачем таким пить?

Худой, как палка, Саня, по прозвищу "Рашпиль" мечтает стать попом. Его можно понять. Саня – сирота. Он с Крыма. Его воспитывали бабушка с дедушкой. В его случае – это единственная возможность выбиться в люди. Поэтому каждый вечер Саня отправляется к послушнику Евгению учить церковные каноны и уставы. Он истово готовится поступить в Духовную семинарию.

Амбиции Толи простираются гораздо далее: он мечтает стать монахом. Но, гордыня так и прет из него; не дает ему покоя и здесь, в Лавре. Своим поведением он, скорее всего, напоминает колхозного бригадира. Постоянно говорит: «Я сделал то-то, и то-то... Я повесил лаврский колокол...» Я думаю, что в свое село он приезжает из Лавры уже, как «архимандрит» какой, рассказывая о лаврских чудесах.

А вот Василий – гуцул из гор Карпат имеет и характерную внешность «вуйка», дающую ему много схожести с культовым артистом Миколайчуком. Он давно живет в Лавре... Домой в Карпаты он добирается пешком, как инок. Он пишет стихи, и, как подобает настоящему поэту, много пьет отнюдь не «святой» воды из источников преподобных Анатония или Феодосия.

У того же коренастого Сережи – который постоянно вводит меня в курс местных дел – очень красивый бархатный бас. Оказывается, он раньше пел в церковном хоре... Часто

бывает здесь. И хорошо знает Лавру.

А вот предел мечтаний Славика – это стать в Лавре охранником. Охранники одеты в экзотическую казачью униформу. На плечах у них почти настоящие погоны. Еще и деньги за это получают.

На втором этаже 57 корпуса, куда ведет крутая наружная лестница, вросшего первым этажом в землю древнего строения, обитали бывшие зэки. Они мало трудились. Предпочитая болтаться по Лавре без дела. Единственной заботой для них было это сидеть в своей келье и пить свой любимый напиток – чифирь.

Один из них Гена, сидел раза три в тюрьме, Тот любил со мной потрепаться. Подойдет ко мне, и что-то выведывает; выспрашивает. Меня здесь сразу же предупредили, чтоб я держал с ним ухо остро, не болтал лишнего. Бывший уголовник карикатурно копирует монахов, как те приветствуют один другого. Ему бы в цирк податься...

К восьми часам утра, мы дружно подтягиваемся на хозяйственный двор, который находится сразу же за зданием трапезной – это совсем недалеко от Дальних пещер. Туда же подходит и послушник Геннадий.

Это был крупный высокий мужик с седеющими волосами, собранными, как у многих монахов, сзади у конский хвост. У него так же имелась большая седеющая борода. Глаза его мне показались какими-то водянистыми. Он постоянно шурился. Впрочем, этот прищуренный взгляд – не предвеща-

ет ничего хорошего, особенно для тех, кто попал под его подозрение. Из-под кожанки, одетой поверх рясы, у него начинает набухать животик. На голове у него была одета неизменная кожаная кепка. О нем говорили здесь, что в 90-х он был настоящим бандитом. Банда орудовала на Троещенском рынке. Теперь, Геннадий, замаливает, очевидно, грехи своей молодости. Он уже – послушник. Строг, – но справедлив к нам.

Во многом порядок в Лавре держится на его плечах. Это он нам дает каждое утро работу. Он же за нее и спрашивает. По его указаниям убирается здесь мусор, красится Галерея, ведущая от Ближних пещер к Дальним. Я крашу в основном разные оградки...

...Они вскрыли мой дипломат, когда я был на работе. Это конечно не по-христиански копать в чужих вещах. Но публика здесь разная, далека от разных светлых идеалов всего человечества. Нашли в конверте мои опубликованные в киевских газетах рассказы. Там же лежала небольшая повесть. Зачем-то, оставленная, после того как я все сжег, что писал все эти десять лет.

В тот же вечер Василий пригласил меня в свою келью, которая находилась за дверью служащей одновременно и шкафом. Входишь в переднюю келью – напротив шкаф. В шкафу – висит, как и положено, одежда. Сразу ни за что не догадаешься, что он служит также и дверью, которая ведет в небольшую келью. В той келье и жил Василий...

У него там имелась небольшая библиотечка.

– Можешь брать любую, – сказал Василий, показывая на корешки книг стоящих в три ряда на самодельной настенной полочке. Он молвил это так, вроде приглашал меня в роскошный ресторан.

Я приблизил руку к книгам, и потрогал корешки. Когда-то они составляли мою жизнь. Теперь, когда я сжег все свои рукописи, которые написал за десять лет. Мне уже не хотелось к ним прикасаться. Но своим отказом я мог его обидеть. Короче, я вытащил одну книгу. Это был "Кобзарь"...

– Давно не читал, – объяснил я решение своего выбора. – Почитаю...

– Она в твоём распоряжении, – сказал Василий. – Когда захочешь почитать, можешь заходить всегда. Не стесняйся. Здесь тебе никто не будет мешать.

В это время в дверь сильно ударили. Возможно, ногою! И, тут же, послышались какие-то пьяные голоса. Я не сильно удивился этому. Мой интеллигентный вид и хорошая одежда, независимое поведение много кого раздражали. Все, что я говорил здесь, приводило некоторых, мягко сказать, в настоящее недоумение. Поэтому не удивительно, что некоторые жильцы этого мрачного заведения, приняв на грудь, то есть, обожравшись водкою, решили тут же поквитаться со мной.

– Открывай! – вопили они, – а не то, дверь вынесем!

– Это Славик. А с ним Толян, – сказал Василий. – Ты не

лезь, – попросил меня Василий. – Я сам с ними поговорю! – Он сам решил меня защищать.

Потом стоял перед дверью, и разминал в локтях свои руки. Он крутил ими в суставах, как пропеллерами. Для пущей свирепости он сдвинул к переносице свои брови. Было видно, что он сильно волнуется. Потом он резко вышиб ногою дверь и, паки лев, свирепо бросился на нападавших. Между ними завязалась какая-то возня. Слышно было: они сопят носами, как порванные кузнечные меха. Потом все резко стихло. Было только слышно: они стали мирятся.

– Все, – сказал Василий, заходя в свою келью, – больше они тебя не тронут. Я с ними здесь поговорил.

Это все было похоже на спланированную комедию. Здесь я отчетливо понял, что и дня больше не останусь здесь. "Монахом – мне не быть. Это ясно. Так зачем же мне здесь оставаться? – Вопросал я сам у себя, и тут же размышлял: – Я, скорее всего, странствующий философ, который плывет по реке жизни, руководствуясь только благочестивыми поступками, для совершения которых воспитывал себя, как личность. Мне бы книжки писать, а не драться здесь с разными подонками; жить среди этих бомжей..."

« – А эти горы бутылок, которые постоянно остаются от монахов? – Мысленно задаю я себе вопрос. – И это не только бутылки из-под "Кагора", – говорит моя душа. – Возле их келий, вечно болтаются какие-то женщины. Рядом с нами живет какая-то бабка... Кто это? Только паломница? Выглядит

все это очень подозрительно для меня. Я точно знаю, что любая женщина четко улавливает и тянется туда, где есть деньги и власть. Женщина, как индикатор. Она может добавить к этому еще и блуд. Впрочем, я со свечкой там не хожу. Это Бог все видит. Я же, просто, размышляю, получая какую-то информацию от глаз и ушей».

Вообще, Лавра превратилась в моем понимании больше в какой-то политический клуб. Монахи мне кажутся иногда переодетыми в рясы российскими эфэсбэшниками. Они как-то четко улавливают в нашей политике, когда надо изобразить активность. Вокруг Лавры тогда все столбы пестрят какими-то жесткими воззваниями. Мне не хочется, чтоб монахи занимались политикой. Как эти. «Уеду, – думаю, – куда-нибудь, буду зарабатывать деньги. Работать» Решение казалось мне очень правильным. И главное – вовремя. В разгаре была весна. В это время рабочие руки идут нарасхват, как горячие пирожки...

На следующее утро я подхожу к послушнику Геннадию.

– Мне нужно ехать, – сказал я. – Я должен зарабатывать себе деньги. Эта работа не по мне.

– Куда ж ты поедешь, если не секрет? – Спросил послушник.

– В Россию, – сказал я.

– Я б хотел, чтоб ты еще остался на некоторое время, до Пасхи. Мне очень надо рабочие руки. А ты умеешь работать, – похвалил меня послушник.

– Не могу, – сказал я, а еще добавил: – Я уже выздоровел: и душой, и телом. В Лавре – чудесная аура.

– Не говори так. Это нехорошее слово. – Перебил он меня. – Так могут сказать только сектанты. – И начал откровенничать со мною: – Я сам был когда-то бандитом и употреблял наркотики... А вот пришел сюда, – и на меня тоже снизошла благодать Божия. – Он старался расположить меня к себе. Потом снова просил, чтоб я остался: – Повремени пока с отъездом. Поработаешь... Здесь тебя никто не тронет. – Заверял меня послушник.

– Не могу, – действительно, говорил я,

– Ладно, – сказал он. – Документы заберешь в послушника Евгения.

...В свой последний день здесь – я прошелся по всей Лавре. Моим проводником быть в этой экскурсии вызвался Сережа. Был с нами также и Саня по прозвищу «Рашпиль». Сначала мы отправились в пекарню за Дальние пещеры. Там Сережа спел своим чудесным грудным басом послушнику какой-то псалом. И тот насыпал ему с полведра просвирок. Такие небольшие пресные хлебцы. Мы подкреплялись ими сидя на скамейке под раскидистой древней липой; рядом лежали каменные плиты, под которыми покоились останки каких-то известных предводителей церкви.

Потом пошли бродить по Лавре, по ее роскошным храмам. Слушали песнопения монахов в Свято-Успенском соборе. После чего отправились в пещеры. Сережа объяснял,

где лежит тот или другой монах. Стояли у гроба Ильи Муромца. Были и возле Нестора Летописца.

На следующий день я уехал на целый год в Россию.

2

Почти через год, вдоволь отведавши гастерарбайтерского хлеба, я снова возвратился в Киев.

Какое-то время мне не очень везло. Я никак не мог найти новую работу. Если мне и удавалось найти хоть какую-то работу, – то не было нормального жилья... И наоборот. Если мне удавалось найти что-то похожее на жилье, – то не было сколько-нибудь хорошо оплачиваемой работы. А задаром я уже не хотел работать. Я привык к нормальным деньгам.

К этим неприятностям, постигшим меня в самом начале, добавились еще и то, что мошенники, из одной посреднической конторы, куда я обратился по объявлению, – которыми была обвешана вся Привокзальная площадь, – в лице двух амбалов из небольшой обшарпанной комнатухи где-то за цирком – пообещав мне работу и жилье, сразу же, «кинули» меня на 160 гривен. Этим они значительно приблизили время моего возвращения в Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру...

Все это время мне приходилось ночевать, где только придется.

Несколько ночей я провел, например, в студенческом об-

щежитии. Но, все же, больше приходилось отпрапляться на ночлег на ставший для меня не очень негостеприимным железнодорожный вокзал. Но если моя безупречная одежда не привлекала внимания назойливых охранников – то от наметанного взгляда вездесущих бомжей – спрятаться было почти невозможно.

Когда, после очередной неудачи, я – уставший и плохо выспавшийся, – прикорнул прямо на скамейке в метро – на станции "Вокзальная" – кто-то грубо разбудил меня, толчком в плечо. Открываю веки: стоит, какой-то, пацанчик. По виду – бомжик. Стоит, и скалится. Мол: «Все понимаю».

– Чего тебе надо? – спрашиваю.

– А ты не знаешь?

– Не знаю, – говорю.

– Да хватит тебе, – сказал бомжик, и снова показал свои зубы.

– Отвали, – грубо сказал я. Желая избавиться от него, как от назойливой мухи.

– Ты чево? – Обиделся он. – Вот отведу тебя к «Бабаю» (Юрий Багиев; тамошний авторитет). Потом увидишь. Это я тебе гарантирую! – Пообещал он.

После этого случая, я старался избегать ночевать на вокзале.

Следующую ночь я провел на Крещатике, в палатке. Там, где стоят Лядские ворота с крылатым архангелом. Палатки поставили «приднестровцы», которые приехали в Киев про-

снять президента снять блокаду с мятежного молдавского анклава.

До полуночи устроили открытый митинг; в мегафон толкали речи. А я терпеливо ждал, сидя на скамейке, когда все это кончится – чтоб заползти в крайнюю, «неотапливаемую» палатку. В эту палатку определил меня комендант этого лагеря. Желая, поскорее, закутаться в обещанное одеяло, и хоть немного выспаться. Чтоб на утро снова отправиться в вождь-ленную Лавру...

Тут же была развернута полевая кухня, возле которой хозяйничала расторопная женщина, очень похожая на тех монашек, которых я часто видел и в Лавре, в виде паломниц. Монастырская жизнь накладывает на их лица, какой-то неизгладимый отпечаток. Шарм, если хотите... Келейная жизнь, делает их лица, как бы восковыми. Я никогда не спутывал их не с кем. Везде узнавал. Узнал ее, и здесь. Скорее всего, ее откомандировали сюда, чтоб она поухаживала возле кухни; российская церковь поддерживала «приднестровцев», – жителей этого мятежного анклава в Молдове, который остался за россиянами. Женщина все покрикивала на мужиков.

– Строгая баба, – ворчали те. Но слушались.

– А с вами иначе нельзя, – отвечала баба.

Она и стол накрывала их верхушке в "моей" палатке, когда они выговорили в мегафон все свои заготовленные речи. Я засыпал уже под пьяные голоса каких-то главарей.

– Если б не "Братство" (Флаг этой организации висел возле одной палатки), – говорил грубый мужской голос, – у нас бы ничего не вышло. Кто палатки привез нам с Луганска?

– Вот у кого дисциплина! – Откликнулся чей-то другой голос.

...А рано утром я уже подходил к Лавре. Сказать по правде за год я порядком забыл, все эти лаврские стежки-дороги. И, поэтому, мне пришлось спрашивать у каких-то мужиков. Они ковыряли лед под высокими лаврскими стенами. Вначале я принял их: за лаврских трудников.

– Как пройти к кельям, где живут трудники? – Спросил я у них.

Мужики стали переглядываться. Потом уставились на меня непонимающими глазами.

Это должно быть те бомжи, что живут в 57 корпусе. – Догадался один из них.

Показали мне дорогу.

Я быстро разыскал послушника Геннадия.

Послушник Геннадий, с которым я так мило расстался всего лишь год назад или не узнал меня или только прикинулся, что не узнал. За этот год у него еще заметнее округлился животик под кожаной курткой, которую он неизменно носил поверх застиранной монашеской рясы. А щеки уже явно можно было разглядеть стоя у него сзади. Сказывались, очевидно, не столько чудотворная аура, здесь, в Лавре, а все же больше, наверное, проявлялись неплохие лаврские харчи.

Его волосы в бороде еще больше поседели. Так же поседел и конский хвост, торчащий из-под кожаной кепки.

– Иди к «Мудрому», – сказал он, после недолгого вступления. – Там есть одно место в верхних кельях. Навели там хоть какой-то элементарный порядок. Стали менять белье. Наконец-то, вычистили этот бомжатник! – Подытожил свои успехи в деле налаживания надлежащего порядка, строгий послушник.

Какое же было у меня удивление, когда, поднявшись наверх, я узнал в "Мудром" – Толика, – того самого парня, который любой ценой хотел стать монахом. Будучи только трудником, как все живущие в этих кельях, – он завел себе такую же бороду, какую носили только настоящие монахи. Волосы на макушке тоже были собраны тоже в тугий пучок. Новое имя себе, я думаю, он тоже выбрал себе не случайно. Он подражал в этом тем многочисленным монахам, которые лежали в гробах в Дальних и Ближних пещерах. Там, возле каждого есть табличка, на которой написано: «Преподобный Григорий- чудотворец» или «Преподобный Иеремий – прозорливый».

Жил он уже в отгороженном «своем» уголке передней кельи на втором этаже пристройки к 57 корпусу. Первым этажом эта пристройка вся вросла в землю. Толя уже позволял себе считать, что всякую выполненную здесь работу, которую выполняли трудники, он делает сам. Он носил старый застиранный подрясник, и внешне уже был, как две капли

воды, похож на настоящего монаха.

Он, тут же, прикинулся, что у него амнезия. Он тоже, как и влиятельный послушник, перестал узнавать меня.

Я просил его поселить меня тоже в передней, более просторной келье.

Но Толя вдруг заартачился.

– Здесь я командую, – сказал Толик. – Я поселю тебе туда, куда посчитаю нужно! Место в моей келье еще нужно заслужить, – объяснял он.

У него уже, как оказалось, как и у тех святых апостолов, появились свои ученики и последователи, которых он приближал к себе, селя их в передней келье. А еще больше он держал места для тех послушников, которых в виде наказания временно переводили в трудники. Толик готовился стать послушником, и заводил себе, таким образом, знакомства в этой среде.

Из его друзей особенно выделялся плотно сбитый лысеющий парень Сережа. Я видел их только вдвоем. Толик растолковывал ему догмы святого писания. После работы они дружно отправлялись к послушнику Евгению учить каноны. Толик еще отчаяннее спорил с послушником. Поводом, как правило, служило толкования тех или иных догм святого писания. После этого подолгу они не могли успокоиться. С их кельи то и дело доносилось: «Я так сказал, а он это не так понял! Он, вообще, ничего не понимает».

Меня он поселил в задней комнате у самого входа на са-

мой скрипучей койке. Помните: «Твое место у параша». А еще говорил, что не помнил меня! Он продолжал ненавидеть меня, как и прошлый год. Той же самой ненавистью. Она нечем не изменилась. И эта черная ненависть так глубоко засела в нем, и неизменно жила в этом святоше целый год, невзирая не на какие покаяния. Разве это по-христиански?..

– Соблюдай полную тишину. Радио слушай только через наушники. Иначе быстро вылетишь отсюда. Чему я буду очень рад, – объявил мне Толик. Следующая порция слов прозвучала новой угрозой: – Вечером придет один человек, который может здесь всех построить.

Вечером явился пьяный Василий. Тот самый гуцул, который жил тогда за дверью – шкафом. Василий приглашал меня тогда читать книги в свою келью. Он сильно осунулся лицом за прошедший год. Резко обозначился ястребиный гуцульский нос на его характерном лице.

Василий тоже прикинулся, что не узнал меня.

Жил он какой-то «воровской» семьей с двумя мужиками с России. Один из них Володя, работал здесь шофером. Привозил им водку и колбасу. Все они втроем почти не ходили в столовую. Жарили картошку на плитке прямо в келье. Здесь же и водку пили...

Третьим среди них был Сергей – высокий амбал, постоянно закутанный на работе в какие-то грязные обноски. Плащи. Был одного практически роста с послушником Геннадием. Со спины я вначале их постоянно путал. Этот тоже в 90-

е был бандитом. Он и здесь не разучился расставлять свои пальцы веером. Хотя ему и приходилось, так же как и нам работать. Но везде этот Сергей стремился быть начальником. В этом он выдерживал острую конкуренцию с Толиком. Я как-то сказал кому-то, что тот напоминает мне нашего послушника Гену. Тот мне ответил:

– Как ты мог такое подумать! Этот же выглядит: бомж бомжем!

– Со спины, – поправился я.

– Ну, разве что со спины, – вынужден был согласиться мой оппонент.

Я сразу же попросился к ним в компанию. Василий был не против. Сергей колебался. А Вова сказал:

– Это право надо еще будет заслужить.

Тут же начались проверки. Володя стал просить мобильник, чтоб позвонить своей маме в Краснодарский край...

Я не стал заслуживать. Я знал, что мне и до этого еще никогда не удавалось заслужить права быть своим в одной шайке. Я был абсолютно другим человеком. Не способный жить в том же режиме.

...Эта тройка руководила здесь всем. Устанавливая такие отношения между людьми, которые были похожи на отношения между людьми во всех закрытых заведениях типа тюрем. Или армейской казармы советского образца, в которой мне и раньше приходилось жить. Там всегда появлялась кучка паразитов, которые жировали на других. При мне они начали

распределять гуманитарную помощь. Какие-то совершенно новые неношенные вещи. Вначале перебрали всю эту кучу сами втроем. Отобрали все, что лучшее. На заколоченные в стенку гвозди, возле их кроватей, уже не куда было вешать очередные тряпки. Потом они вызывали всех по заслугам. Перед ними? Скоро я заметил, что все здесь было расписано по каким-то тюремным понятиям...

Последними, свои тряпки получили некто Болек и Лёлек. Помните такой польский мультфильм, который крутили еще по советскому телевидению?

Один из этих недомерков – был простым колхозником, прячущимся за высокими лаврскими стенами за эти крошечные деньги от безделья. В их колхозе теперь, собственно, и таких не зарабатываешь.

В другого, тоже не все было в порядке с головой; хотя, говорит, что он бывший шахтер с восьмилетним стажем, приехал в Киев за регрессом. На вокзале, похоже, у него тут же отобрали деньги и документы. Теперь он здесь зарабатывает себе на обратную дорогу. Оба они усердно собирают и сдают пустые бутылки. Тем и живут здесь. Настоящие бомжи!

Вообще-то из старых знакомых здесь осталось не так уж много людей.

Тот же Саня «Рашпиль» – сирота из Крыма – поступил таки в Духовную семинарию.

Тот Слава с мокрыми губами, который хотел быть охранником, – нашел себе место возле лаврских роз и флокс. При-

строился, таким образом, возле садовника...

Остальные – были новые люди. В основном они прибились сюда с России.

Рядом, с моей койкой, стояла такая же скрипучая – Романа.

Это был очень молчаливый человек. С россиянами это часто случается. Особенно, если жизнь их выбросила из привычной колеи. Я как-то попытался его разговорить. Но очень скоро понял, что это определенный человек. Как и многие россияне, он не очень любил Украину, считал ее окраиной своей России.

– Украина – это окраина, – заявил он авторитетно.

– Уж не вашей ли Золотой орды? – Не на шутку рассердился я. – Россия вначале прогнулась под Орду и не одно столетие жила с нею душа в душу одним организмом. Московские князья участвовали во всех разборках в Золотой Орде. Вспомнить хотя б так называемую «Куликовскую битву». А потом в силу сложившихся исторических причин, когда Орду попеременно уничтожили литовцы вместе с Тимуром, Москва присвоила себе власть в ней, а еще лет... этак... через 300 по дешевке достала себе и новое название! Которое, без зазрения совести, таскает до сих пор. Да, и не было никакого монголо-татарского ига. Это иго 300 лет было на Украине. Теперь Украина стала свободной. И с этим надо, наконец-то, смирится и россиянам.

Все это выпалил я со зла, и посмотрел на его реакцию.

Смотрит на меня с недоверием: «— Откуда ты, — мол, — знаешь? Меня учили иному...»

В первую же ночь, — шофер Вова, — «поймал на плечо белочку». Допился до чертиков; до белой горячки... Он приехал уже сильно заделанным. Потом они добавляли в келье. Ночью он встал, и полез растворять окно. Сергей успел поймать его за ногу.

— Что ты делаешь? — Подозрительно спросил он упрямо дерущегося к окну Володю.

— Поссу, — коротко и ясно, сказал ему «кореш».

— Так вон же дверь!

Тот с недоверием посмотрел на него, потом в направлении двери. Его взгляд выражал крайнее напряжение мысли.

— Нет, я сюда хочу! — Настойчиво, сказал Вова.

— Ну, ссы! — Дал добро Серега.

Потом этот Серега держал его сзади, чтоб он не свалился с окна. А тот писал на крыльцо первого этажа. Было слышно, как тяжелые капли бьют об железный козырек. Здесь, я только порадовался, что не попал в такую компанию. Я б так никогда не смог бы прислуживаться, как этот Сергей...

Потом этого Вову на два дня закрыли в кельи. Сказали послушнику, что он болен. Когда я случайно зашел туда в рабочее время, выпросив у Василия ключи, тот полез по кроватям «рвал в келье какую-то калину». Он говорил мне:

— Ты посмотри какая «красная калина»? Давай, нарвем ее! Какие большие гроздья висят. — Он начал хватать руками

воздух, очевидно, обрывать калину.

Я постарался поскорее ретироваться с кельи. Кто его знает, как на его болезни отразилась его ненависть ко мне.

...Василий хоть и тоже притворился, что не узнал меня. Но, тем не менее – это не помешало ему на другой раз сделать что-то, наподобие литературного вечера, пригласив на него своих знакомых занимающихся писательством, после чего начал читать там свои стихи. В расчете, наверное, на то, что и я примкну к ним. Вначале они рассказывали о каких-то лаврских чудесах. Я так понял, что такие чудеса нужны некоторым монахам и послушникам, как глюки; как наркота. Без них они уже не могли жить. Им постоянно нужно подтверждение для своей веры; разные там «оживления» и «обновления». Другая часть этой братии, казалась мне, более прагматичной, чем и не похожей на этих религиозных фанатиков. Таких, как и везде, было гораздо меньше, – но они были. Как правило, это трезвомыслящие люди, занимающие определенное место в лаврской иерархии, принимающие веские решения. На мой взгляд...

Почитав свои стихи, они принялись слушать записанные на кассеты песнопения.

Я оставался безучастным ко всему этому. А что я им мог сказать? Что роль литературы давно уже низведена до роли какой-то профессорской забавы? Стала для многих депутатов уже просто неким интеллектуальным развлечением? Для многих неленивых журналистов надежным уделом показать

себя? С ее высоким назначением все больше теперь путают альковные откровения разных поп-див или досужие разглагольствования вышедших в тираж вип-персон. Транжирили слова на этой почве: и футболисты, и актеры... В общем, все люди не бедные, раскрученные, в которых были вбуханы продюсерами немалые деньги. За писанием деф..., пардон, детективов замечены грамотные домработницы, с высшим образованием. Руки до ее талантливых пасынков вряд ли когда-нибудь дело вообще дойдет. Зачем им травить душу?

Что-то похожее мне уже пришлось пережить, когда я начинал писать. Вроде бы и напечатают, – но что-то там подправят, что-то изменят...

В литературе живет много людей, которые давно уже списались; в них нет свежих идей. Им нужны были только разработанные сюжеты. Они там в своем кругу потом выдают, все напечатанное под именем автора «за свое». Везде правит бал мафия: свой клан; своя клика, свои люди. Даже «в творчестве» прут «свиньей», как немецкие псы-рыцари под музыку Шостаковича в известном советском боевике «Александр Невский». Не – пробьешься...

Все это я уже давно пережил. Все рукописи я сжег. Четыре часа пылал огонь в печи. Нагрел на этом огне большой таз с водою, помылся в дорогу, и отправился в далекий путь. Этот путь и привел меня сюда: в Киево-Печерскую лавру.

А они пусть пишут для себя и своих друзей свои правдивые стихи. Пусть читают их. И в этом будут чисты перед Бо-

ГОМ.

Так, что я даже не подавал вида.

Василий обиделся на меня. Новая партия гуманитарной помощи проплыла мимо меня, как мираж в пустыне. Всем дали, а мне – нет!

...Мы много работали, в основном – грузили разный мусор. Красили. Скалывали лед за галереей ведущей от Ближних пещер к Дальним...

На другой день, Толик, проходя мимо, без всяких слов толкнул меня в грязь. Сделал он это, как я понял, специально. За ним я забил «косяк»...

Потом мы работали в самой Галерее. Толик хвастался, как он толкнул меня в грязь, а я даже не огрызнулся. При этом он смотрел на меня, и на лице у него играло ехидство. В этот момент, он, очевидно, был настоящим, ощущая в себе то мелкое наслаждения от унижения других. «Какой уж тут «монах» с него получится?», – думал я.

Тогда я подошел к нему вплотную. Толик все, сразу же, уразумел, и попытался, было, первым ударить меня ногою! Но, я, тут же, перехватил, и крутанул ее со всей силы. Его поддержали, и он устоял на ногах. После этого Толик ударил меня кулаком, желая рассечь губу. Но я выдержал удар, и ответил ему: сильным ударом кулака в челюсть... Его защитили от добивания.

– Дураков, и в Лавре бьют! – Сказал я, подытоживая результаты стычки.

И он не спорил со мною. Но для начала, все же, он только рассказал об этом послушнику. После этого случая он уже избегал открытых конфликтов со мною. Все больше действовал из под тишка, как любой негодяй в миру. Говорил своим последователям, что я «провокаатор», и провоцирую его «хорошего» на дурные поступки. Да, я спровоцировал его своим независимым даже здесь положением, – но это только проявило в нем то, что в нем жило, что он должен был давно уже истребить в себе, если он поставил себе высокую цель: стать монахом. Безобидный агнец, например, всегда «провоцирует» волка.

...Я не переставал в то же время каждый день искать работу в городе. Я уже знал, наверное, что мне вот-вот должно повезти. Город просыпался от зимней спячки. Везде уже требовались рабочие руки.

По вечерам, перед самым ужином, я еще отправлялся к Дальним пещерам.

Возле самой Духовной Семинарии, на покрытом брусчаткой возвышении часто ставили свои мольберты совсем еще юные художницы. У них были совершенно открытые и одухотворенные лица. В глазах их горел живой, не поддельный огонёк настоящего творчества. Мне это по-человечески нравилось; они были своими людьми для меня.

Я на некоторое время задерживался возле них. Смотрел, как они переносят на свои холсты эту длинную дорогу, ведущую к Верхней Лавре; стоящие по обе стороны ее деревья и

фонари. На дворе был март-месяц. Поэтому на холстах этих юных дев было еще так много фиолетовой и черной красок. Только виднеющиеся за древними стенами роскошные купола Свято-Успенского собора и громадный купол Трапезной церкви отливали золотом на фоне меркнувшего вечернего неба. А на самом небе еще цвели золотые краски солнца, заходящего за синеву облаков...

Добравшись до своей любимой скамейки, я сел на неё. Теперь, по одну руку у меня: находился киворий и вход в Дальние пещеры, – а по другую: красивое здание Метрополии, со ступеньками к церкви Рождества Богородицы и прекрасной звоннице Ковнира. После этого мои глаза могли любоваться прекрасной по своему совершенству аркадой, подпирающей гору, на которой и высилась сама церковь Рождества Богородицы. Церковь была построенная в стиле украинского барокко. А для этого стиля присуща округленность и пышность форм.

С открытых окон трапезной за моей спиной прекращающимися волнами накатывали ароматы от приготовленной монахам пищи.

Несколько лаврских котов загнали под роскошную иномарку кошку и теперь вожделенно следили за всеми ее перемещениями. Коты были в отличной форме. Шерсть на них лоснилась от жира. Утром я видел, как они уплетали возле дверей монашеской трапезной потроха с огромной щуки. Из кошки исходит устрашающее урчание. Она не под-

пускает к себе котов.

Запахи, доносящиеся с монашеской трапезной, дразнят мои рецепторы в носу. Скоро и мне уже идти на ужин.

Но, я еще успею сходить по ступенькам наверх, к церкви, поблуждать там немного по кладбищу, на котором покоятся какие-то российские генералы. Только потом буду возвращаться назад.

Знакомую кошку уже кормила какая-то высокая женщина, вся в черном. Кто она была такая? Паломница? Мне это уже не узнать никогда... Сидят серые лаврские коты, образовав уходящий от женщины полукруг.

– Ишь, какие, наглые, – говорит женщина, когда я прохожу мимо. В ее глазах зажегся живой озорной огонек.

На следующий день я нашел работу. И тут же подошел к послушнику Геннадию. Я сказал ему, что нашел работу и жилье и должен уйти.

– Если можно, я переночую одну ночь?

– Может, останешься? Скоро пасха. У меня много работы. А ты умеешь трудиться, – были его слова.

– Не могу, – сказал я.

– Тогда уходи, и чтоб духу твоего не осталось. И кто пустит его переночевать здесь – будет иметь дело со мною! – Грозно сказал послушник.

...Летом я еще захожу в Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру.

Я начал писать этот рассказ и захожу, чтоб уточнить некоторые его детали.

Все в Лавре утопает в зелени. Возле корпуса, где жил настоятель Лавры архимандрит Павел распустилось много бутонов алых роз. Много роз цвело возле Метрополии. А особенно много красивых роз посажено внизу вдоль дороги к источникам преподобных Антония и Феодосия. Словно срисовано с картинок, изображающих небесную юдоль.

Монахи в Лавре умеют наладить свой быт. Денег на это не жалеют. Труда трудников – тоже.

К кельям монахов и к Семинарии ведут ровные, ухоженные дорожки. Растут разные бегонии и флоксы. С высоких стен спадали густые косы дикого винограда. Очень красиво, как, наверное, и должно быть в одном раю.

Уродовало лишь это наклеенные на столбы воззвания: принять участие в очередном крестном ходу... "Крестовом" – как выразилась недавно одна моя знакомая, неизменная их участница. «Везде торчат уши российского ФСБ...!» – Эти крики моей души разрывают мысли о земном рае. Я начинаю еще с большим энтузиазмом подозревать всех здешних монахов в том, что они и есть та навязшая на зубах «пятая колонна» на Украине: переодетые офицеры спецслужб соседнего государства.

...На дороге ведущей к Дальним пещерам, возле каких-то

мусорных баков, я вижу Василия. Тот жжет какую-то церковную макулатуру. Поздоровались. Он говорит:

– Вот монахи послали жечь, чтоб мы не ходили с ними в туалет. А сами они такое здесь творят, что ни в какие ворота не лезет. Я мог бы тебе еще много чего рассказать.

– Я и так о многом знаю. Мне монахи, например, многим напоминают своих жирных лаврских котов.

Немного помолчали. В образовавшуюся небольшую паузу, мутным потоком хлынули воспоминания о том, как мне жилось здесь и работалось...

– Ты же не знаешь? – Неожиданно оживился Василий. – Многие теперь уже в миру. Ушел туда: и Мудрый... А так хотел стать монахом...

– Тогда б точно на вратах святой обители надо бы повесить было большой замок, – сказал я. И тут же, словно исправляя оскорбление, нанесенное своими нелестными словами о недостойном, в моем понимании, человеке этому прекрасному месту и хорошему, летнему дню, – я посчитал нужным, еще добавить:

– Живущие здесь, хоть содержат эту святую обитель в надлежащем виде. И за это им, большое спасибо будет сказано от меня и от наших потомков.

– Спаси Бог, – сказал Василий.

*И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!*

Нет, ребята, все не так!

Все не так, ребята...

(В.С. Высоцкий «Моя цыганская»)

12 – 17 сентября 2006 года.

КОПАЯ ЦЕЛЕБНУЮ ГЛИНУ

...И вот я снова покидаю святую обитель – Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру. Оставляю ее, надо полагать, навсегда, имея твердую уверенность в том, что населяющая ее кельи монашеская братия, в подавляющем большинстве своем, больше руководствуется в помыслах своих не столько благочестивыми деяниями апостолов и канонами святой веры, сколько уставами специальной службы соседнего государства. Очистив свою совесть от посягательств на нее людей, дико ненавидящих мою страну, ее святую веру и давнюю культуру, призванных сюда сеять семена разбрата и неверия – я навсегда, думаю что, возвращаюсь в этот многогрешный мир...

Предшествовало этому событию краткое событие, которое произошло накануне.

...Как-то возвращаясь вечером в Лавру, после безуспешных поисков работы, я, почему-то, задержался на каком-то валу перед ее стенами. Откуда я невольно наблюдал внизу уходящих от строительных вагончиков рабочих. «Строите-

ли?.. не строители?.. – размышлял я, глядя им в спины, – но все же стоит подойти к ним, и спросить в них на счет работы...»

Догнав их, я поинтересовался: нельзя ли в них найти работу?..

По дороге они рассказали, что работают здесь, – а живут на Выдубичах. Что у них есть работа для каждого желающего, и я могу подойти к ним уже в понедельник...

Была пятница, конец рабочего дня.

После этого разговора, я три дня не мог успокоиться. Ждал с нетерпением понедельника. «Неужели они так не разглядели во мне «гнилого» интеллигента? – Роились в моем мозгу все это время тревожные мысли. – Это я так хорошо научился прикидываться! – Успокаивал я сам себя. – Начало, как будто бы, положено неплохое... Я нашел работу всего лишь в нескольких шагах от Лавры, тогда как еще неделю искал ее по всему Киеву!... Мне обязательно должно было так рано или поздно так крупно повезти...»

В этом я узрел что-то символическое. Какой-то знак, поданный мне с небеси!

Боясь спугнуть удачу, я постучал по дереву. Каждой клеткой своего организма, предвкушая будущую встречу в новом рабочем коллективе. Эта встреча обещала мне: как надежную крышу над головою, так и работу, – а с нею и нормальный заработок. Получив, таким образом, независимость материальную, я снова мог мечтать о своей творческой судьбе.

Только в служении литературе я видел в то время свое будущее. Случилось так, что долгое время я ничего не писал, после того, как все сжег. С тех пор прошел уже целый год...

К восьми часам понедельника, я был, как штык, под строительными вагончиками. Я облачился в рабочую одежду, в которой трудился все эти дни в Лавре. В толпе собирающихся возле вагончиков рабочих, я старался выглядеть настоящим рабочим.

Но кто-то уже сумел разглядеть во мне белую ворону. Когда подошел мастер, он безапелляционным тоном, объявил: – Ничего у него не выйдет! Надо ехать устраиваться у Бердычев. У нас там отдел кадров.

В его тоне угадывалась привычная классовая ненависть. Во мне, кажется, снова заметили «гнилого» интеллигента. Впрочем, тут же отыскался и «адвокат».

– А ты что? – Задает резонный вопрос: – Заменял тут собою мастера?

– Пусть идет, работает, если ему так хочется, – примирительно, сказал мастер.

Молодой человек тут же набросал мне на бумаге схему: как лучше найти офис этой фирмы.

В офисе меня встретили почти с распростертыми объятьями. Радуюсь, словно я был первой ласточкой после долгой зимы. Тут же выписывали мне направление на медкомиссию...

...За те три дня, что я проходил медицинскую комиссию

на Петровке, многое что изменилось. На эту фирму в одночасье был наплыв сезонных рабочих с отдаленных сел. Теперь во мне увидели то, что трудно было скрывать. В отделе кадров меня уже просили зайти в другой раз. Это прозвучало, как скрытый отказ. Строки таких «приходов», теперь я знаю, могли варьироваться там бесконечно долго. Скорее, – это «завтра» б не наступило б никогда. Тогда я сказал, что из-за их обещания потерял свое жилье, – что было верно, – ведь я ушел с Лавры и все эти три дня жил в племянника, в студенческом общежитии на Шулявке...

– Пусть идет, работает, – сказал начальник, отвечающий за технику безопасности.

– Не знаю, – ворчала начальница кадров, – зачем такие люди идут к нам на лопату?

Только после этого меня приняли электромонтажником 3-го разряда, на первый участок; выдав мне направление на поселение в общежитие на Выдубичах...

...Работая потом на канаве, я все время перетираю в жерновах мыслей свои первые, и, как правило, самые яркие впечатления; постоянно делаю из них муку воспоминаний, чтоб потом спечь с нее какой-то сдобный литературный пирог... Литературный процесс во мне не прерывается ни на минуту. Я стараюсь сохранить свои чувства в виде начинки, приготовить побольше изюминок эпитетов и иных литературных приправ. Так уже устроен мой мозг.

Приобретя снова возможность заработать себе на жизнь

тяжелым, физическим трудом, я не забываю наполнять свою жизнь новым литературным смыслом, плотно укладывая в своей памяти надежные строчки своих будущих повестей. В такие минуты я всегда ощущаю в себе прилив духа, какой-то энергетический подъем, наполняющий меня внутри эмоциями. Я тщательно и очень скрупулезно закрепляю в памяти будущие ключевые фразы, с которых можно было бы начать свои повествования. За каждой из них должно что-то стоять. Внешне, – и я это отчетливо понимаю, – я выгляжу совсем, как какая-то бесформенная, аморфная масса. В творческом состоянии такие люди всегда выглядят очень некрасиво для простых парней с колхозных полей. Это так легко читается на их грубых, неотесанных физиономиях. К этому же недопониманию надо добавлять эту естественную, реликтовую ненависть человека труда ко всему непонятному, к тому же еще и вступившему с ним в открытую конкуренцию за рабочее место...

Ну, что ж... Искусство, как известно, требует своих жертв...

На Выдубычах меня поселили вечером, 5 апреля.

Выяснилось, что отдельную часть общежития, на так званой Мазутке, наша фирма арендует в того же «Киевэнерго». Найти это пятиэтажное здание среди деревьев и куч всевозможного мусора в Промышленной зоне довольно-таки мудрено. Если не знать, конечно же, пути от метро станции «Выдубичи» вдоль Надднепрянского шоссе курсом на Малую

Теличку. Минуя Лысую гору по той стороне трассы, и пройдя по грязной тропинке через настоящий лес – по партизанской тропинке обогнув в густых кустах под высоковольтной опорой угол какого-то гаражного кооператива, – взору неожиданно открывается вид: на что-то вроде островка цивилизации...

По пути еще встретится стена какого-то производственного цеха. С раскрытых настежь окон, в жаркую пору, всегда несутся навстречу звуки каких-то мелодий...

Пара панельных домов, заканчивающихся невнятной гостиничкой под высокими пирамидальными тополями...

Еще пара магазинчиков с неизменной уже «наливайкой»...

Дальше, трубы перекинутых через дорогу теплотрасс...

Приблудные псы под стенами... Многочисленная стая черных ворон, кружащаяся над деревьями (С детства не видел такого количества таких крикливых птиц, как встретил их снова, здесь, на Выдубичах).

Вдоль всего моего пути лежат, нетронутым мусором, пивные бутылки. Это обстоятельство вызвало во мне ответные мысли: «Сюда даже бомжи боятся соваться, чтоб забрать свой надежный, и обильный капитал. Чего же еще можно было ожидать от такого места? Разве, что Соловья-разбойника в кустах...»

...Общежитие населяли в основном вчерашние колхозники со всеми, как говорится, вытекающими оттуда послед-

ствиями. Они приезжали с сел, как правило, всем кагалом, получая за свою работу отнюдь не те золотые горы, как было обещано им в рекламных посулах.

С учетом их привычек, на которых я не стану акцентировать внимание в данном месте, жизнь представлялась мне уже не такой безоблачной. А еще предстояло как-то налаживать здесь свой литературный быт? Что на то время мне уже представлялось почти нереальной перспективой. Ко всем моим бедам добавилось то обстоятельство, что у меня заканчивались деньги, а зарплату здесь обещали только к июню месяцу. По редким выходным теперь предстояло искать работу, выходить на так называемый «пяттак», к станции метро «Вокзальная», чтоб заработать в день по каких-то 50 гривен, на которые и предстояло научиться выживать на первых порах в этом огромном городе...

...Смирительной рубашкой для этих бывших колхозников здесь, я так понял, выступал комендант П. Б. Очевидно, бывший мент, который имел довольно-таки интеллигентную внешность, которую ему придавали блестящие очки в золоченой, металлической оправе. Потом ему их разбили, вместе с физиономией, очевидно озлобившись на него за то, что он выбросил за борт этого ковчега какого-то очередного запойного алкаша. Приезжал комендант к вверенному ему зданию на своей иномарке. И как опытный капитан, не давал спуску своей команде на судне.

На каждом этаже он посадил по дежурной, что присмат-

ривали там за порядком. За грубое нарушение режима нарушители молниеносно вылетали за борт общежития, а потом и фирмы. Обычно такие отчисления организовывали дежурные, поскольку знали все и про всех. Особенно тех, кто пил запоями...

На меня это произвело сильное впечатление.

Поговорив с дежурными, я пришел к выводу, что все они люди определенные. В каждой из них были свои дети. Та же Захаровна крутилась сразу на нескольких работах; по старой еще советской привычке, что-то постоянно крутила на спицах. Две толстые сестры, которые мне откровенно не нравились. Обе они дружили с кастеляншей. Той самой породистой женщиной, которая терпеть меня не могла. Она считалась любовницей П. Б., не пропустила не одного случая, чтоб хоть как-то уязвить мое самолюбие. Там, возле грязного постельного белья, образовался как бы «высший свет» работающих здесь женщин, задающий тон поведения в общежитии.

С этого ансамбля «песни и пляски» имени коменданта Б.П., как-то невольно выпадала Мария Алексеевна. Женщина по всему увлеченная, и чего-то явно ищущая даже в свои 47 лет; неистово верящая в своего московского бога. По ее словам, она около тридцати лет проработала на настоящем производстве...

Ее неистовая вера вызывала подозрение в сослуживиц. Они предпочитали вместо такой веры, все же, получать больше радостей от живого общения с кастеляншей; простому

обывательскому счастью, зацикленному на семье и детях, муже в кого он был, на тех сплетнях и интрижках, которые неизменно присутствуют в каждом рабочем коллективе.

Мария Алексеевна выборочно дружила лишь с некоторыми из дежурных, все больше отдавая предпочтение чтению церковной литературы, молитвам и общению с жильцами. Такой это был тип характера.

– Зачем ей все это? – Жаловалась на нее мне кто-то из сестер. – У нее уже есть ребенок, и пусть живет ради него... Так нет же, ее постоянно куда-то заносит...

Для простых женщин такое отношение к вере было непонятно. Все они живут исключительно ради своего потомства. Даже, когда они об этом не думают, их слова и поступки подчинены только этому. Они стараются, чтоб их потомство в будущем заняло как можно больше высокую нишу в этом обществе. Для этого она всегда согласна интриговать, сплетничать, топить друг дружку. За этими красивыми, всегда очаровательными глазками живет жесткий организованный мир подчиненный единому правилу.

Мария Алексеевна в сумке носила какую-то церковную литературу; что-то писала. Трудилась. Мне говорили, что она хочет работать в Лавре, гидом. Что ж, это была не плохая идея...

Только там, по моему теперь глубокому убеждению, ее мало кто ожидал. На выгодную должность гида в этой Лавре всегда есть много желающих. Я не знаю, по каким канонам

выбираются гиды в этом месте, и поэтому промолчу на эту тему... Она, видел, очень старалась. Постоянно видел, что Мария Алексеевна читает специальную литературу, очевидно, подводя себя к этой ипостаси. Это же, сколько еще надо было церковной литературы перелопачено, и все, как потом оказалось, даром!..

Надо заметить, что в Лавре замешано очень много политики. Возле политики многие кормятся: организовываясь в настоящую мафию... Кому еще нужна заблудшая душа идеалиста, которая и там будет стараться жить праведной жизнью? Церковь всегда пыталась играть свою средневековую роль. Тем более такая экспансионистская, как московская... Шансов попасть на место гида у Марии Алексеевны не так уж и много... Она верит, – или делает вид, – в какие-то «чудеса», что делает ее очень похожей на любую религиозную фанатичку. Вся эта подозрительная «церковная» макулатура, которую она в больших количествах таскает сюда, делает ее тоже похожей на настоящего партийного агитатора. Ночью она, запершись у себя в кабинете, что-то пишет. Наверное: описывает чудеса...

Это их стиль... Лицо ее выглядит тогда очень сосредоточенным. Для настоящего творчества ему не хватает разве что какой-то налетной аморфности. А впрочем, это только на мой взгляд...

(Она так и не покажет мне, что она там писала. Позже она начнет посещать какие-то компьютерные курсы. Очевидно,

начав уже склонять себя к мысли, что попасть в Лавру гидом ей так и не удастся...)

Со временем, она все больше производит на меня впечатление человека уравновешенного и полностью уверенного в своей правоте. В таком возрасте уже трудно говорить о какой-то непрременной красоте этой женщины. Тем не менее, надо сказать, что ее ассиметричное лицо для меня не имело никаких видимых изъянов, о которые можно споткнуться взглядом. Неправильная форма, придавала его сосредоточенному виду, шарм увлеченной, деятельной натуры.

Увидев меня впервые, она тут же всплеснула руками:

– Вылитый Горбачев! Здравствуйтесь, Михаил Сергеевич!

– Уж нетушки, – извинительным тоном, говорю я, – за развал Советского Союза я отвечать здесь не буду!

– Ну, что вы, – улыбаясь, говорит Мария Алексеевна. – Я только хотела сказать, что у Вас очень доброе и интеллигентное лицо.

– Ну...если так, – говорю, – то приму от Вас, эту приятность...

Я тоже начинаю сетовать на место, и обстоятельства приведшие меня сюда.

– Да место здесь не самое лучшее, – соглашается она. – Ну, нечего...Иисус терпел, и нам велел!

Позже, не в силах отговорить меня от каких-то не достойных и вредных, с точки зрения ее московской веры поступков, она сзади крестила меня. Например, когда я купил в

«Фуршете» хорошего молдавского вина, и собирался отправиться на Лысую гору, чтоб там, сидя на травке под грушей, потягивать вино, и с высоты птичьего полета окидывать взглядом лежащую внизу, как на ладони, трассу, по которой с бешеной скоростью мчат правительственные кортежи...

Такие места в Киеве любая церковь считает «нечистыми»; там на шабаш собираются якобы ведьмы. Для меня же это, так интересно!..

Здесь я всегда вспоминаю одну беззубую деревенскую старуху, колхозники почитали ее за настоящую ведьму, чуть ли не толпами валили к ней «лечится»; она бралась за все их болячки; дело должно было закончиться операцией, настоящей поножовщиной. Жила она у меня тогда по соседству, ее неподобные куры вечно гадили в моем саду, выгребая клубничные грядки, заставляя меня, гоняться за ними, бросать в них камни, за что она подбрасывала мне в огород какие-то «порченые» яйца; «уроблювала», как говорили там.

Так вот...

Проводя свою дочь за ворота, «ведьма» подолгу смотрела ей в след, шепча запавшим ртом какие-то молитвы, время от времени она подымала костлявую руку и обмахивала ее спину крестными знаменами...

Так делала теперь со мною и Мария Алексеевна...

Во время споров на разные религиозные темы – Мария Алексеевна раскалялась до бела. Тогда из-за непогрешимого образа «церковного пропагандиста», – обязательно показы-

вался агент влияния спецслужб соседнего государства в чине капитана...

Я так и говорил ей тогда:

– Мария Алексеевна! Вы выглядите, как российский эф-эсбэшник в чине капитана!

На что она обижалась:

– Почему только капитана? – Спрашивала она.

– Потому что в полковниках там ходит сам президент! –

Отвечал я.

С какого-то времени, я начал понимать, что всю жизнь мне не хватало именно такой женщины, всегда уверенной в своей правоте идеалистки... Тогда как по жизни мне постоянно попадались какие-то скучные куклы, видящие во мне только неудачника и упорно мечтали выйти замуж за какого-нибудь колхозного бригадира...

Но у Марии Алексеевны, подрастал уже пятилетний бутуз. Были еще какие-то смутные отношения со своим мужем...

Где-то на Левобережье, в трехкомнатной квартире с ними проживает больной на голову брат, бывший афганец... Она держит еще квартирантку. К тому еще, – судя по ее словам, – у нее вечно болтаются какие-то подозрительные старухи, очевидно припершиися сюда с России... То бишь – ее сподвижницы по этой непрекращающейся на Украине церковной возне против нашей независимости. Видел я их в больших количествах в Лавре, сующие мне образки возле

здания Семинарии, которые, якобы, спасали жизни солдатам в Чечне. «Это проблемы России, а не мои», – говорил я им. После этого ее квартира мне уже больше не напоминает картинную галерею, вид которой она внушила мне вначале, а штабом самой отморозенной контрреволюции...

– У меня почти нет обстановки, – жаловалась она мне в самом начале. – Я покупаю только картины. В меня очень много знакомых художников. Это все настоящие художники, а не те, что сидят на Андреевском узвозе.

Она действительно приносила хорошие картины. Однажды они поздравляли своего коменданта с днем рождения; это был какой-то незамысловатый пейзаж, но выполненный со знанием дела...

Мария Алексеевна упрямо подчеркивает, что она белоруска, восторгается своим «бацьком» Лукашенком, бульбой, и панически боится, что ее Ваню, в свое время, призовут в украинскую армию...

– Я не пушу его туда, – говорила она, и лицо ее становилось каким-то твердокаменным...

Попробовала бы она твердить такое во времена ее любимого Союза! Мудаки из военкоматов говорили: «Служба в Советской Армии почетная обязанность советского гражданина». Посылая людей пачками обживать разные медвежьи углы на территории Сибири или Средней Азии. И в Афганистан посылали умирать... В лучшем случае люди попадали служить в оккупационные войска в Восточной Европе.

Казарменные подонки навязывали там свои отношения. Они говорили вновь призванным бойцам: «Мы в свое время работали, «пахали». Теперь ваша очередь». Говорили, как правило, те, которые по жизни не способны были сделать ничего полезного. Там они получали отличную возможность прочувствовать свою силу от данной им офицерами власти. Это все потом называлось у военных застенчивым словом «дедовщина». Так называемые «деды» качали там свои права, устанавливали свои правила поведения. В такой казарме мало пахло настоящей службой «родине»... Зато хорошо пахло вонючими портянками и садизмом. В столовой молодые бойцы, как правило, получали: на первое – вода с кислой капусты, на второе – капуста без воды, а на третье – вода без капусты...

Это вам не этот убогий год службы рядом с домом и мамой, и обязательным отпуском.

...Когда я впервые явился на порог 403 комнаты, я невольно подумал, что снова куда-то вляпался...

Помню, меня привела одна из не дружных мне потом толстых сестер, не помню теперь уж и которая из них двух. А впрочем, я их так и не научился различать. Теперь это будет уже не столь важно.

За окном приближался вечер. Солнце над Выдубичами клонилось к закату, посылая в широкое окно розовые лучи. Ветки пирамидального тополя, растущего с левого боку ок-

на, окрасились кровавым цветом...

На одной койке дрых какой-то нелепый алкаш. Когда я хотел с ним познакомиться, он смог только промычать что-то невнятное в ответ...

Петя протрезвел ближе к ночи, когда в комнате собрались все ее жильцы. Оказалось, что Петя собирал когда-то на киевском заводе самолеты. Все эти знаменитые «Мрии» и «Русланы»... Потом он собирал в Польше черешни. Теперь его снова, как будто бы, приглашали на завод собирать какие-то новые летательные аппараты...

Витя И., и Игорь приехали на заработки с Черкасской области. Предел их мечтаний: хорошо здесь заработать.

Спокойный в своем достоинстве Витя, с поседевшими уже висками, напоминает мне инженера больше, чем сами инженеры на этой фирме. С такой представительной внешностью он мог бы работать менеджером в хорошей организации. Когда в действительности этот почему-то холостой 35-летний мужик, с седеющими висками, таскает на себе кабеля и копает канавы. Его лицо, начиная с умного лба, как бы потянуто немножко вперед и вниз.

К Вите прислушиваются бригадиры, почитая чуть ли не за честь, чтоб он работал в их бригаде. Он первый из нас всех узнавал: обо всех делах на этой фирме и наших перемещениях по городу, которые, я так понял, получал от бригадиров и мастеров. Он работал в самой лучшей бригаде. Он получал самую большую зарплату среди рабочих. Он был, по мнению

всех, самым лучшим из нас...

Приходящая на дежурства, Захаровна постоянно напоминает о том, как Витя работает на Саксаганского, где она часто его видит. Я сам знаю, что Витя хорошо работает. С ним я работал, выходя по воскресеньям на пятак к Центральному вокзалу. Вите зачем-то позарез нужны деньги.

(Когда он уволился, все переживут настоящий шок. Захаровна долгое время не могла в это поверить. Потом она сказала мне, с трагическими нотками в голосе, какими говорят только о безвременно канувших в Лету: «Хороший человек уволился. Таких людей нам всегда не будет хватать»)

Витя был крайне немногословным человеком. При мне он постоянно держал в руках одну и ту же неизменную книжку Пьера Буля «В стране обезьян», выпущенную в Москве, в 1991 году, как приложение к детскому иллюстрированному журналу «Ау». Он и сам любил подражать приматам, оттопырив уши и подсунув язык под губы.

Возвращаясь с ним как-то с подработки от станции метро «Выдубичи» – за долгую дорогу, я так и не нашел с ним о чем тогда поговорить. Мне он представился человеком определенным, без какой-то изюминки. Ну, не нашли тогда о чем поговорить, и Бог, как говорится, с ним... Главное, что Витя слыл здесь «очень хорошим человеком»... Какое мне дело теперь до него?..

С Игорем у нас пусть хоть и не сразу, но все же сложилось какое-то подобие дружбы. К лету мы могли уже о чем-

то болтать по душам...

Имея чисто еврейскую внешность, этот тридцатипятилетний обаятельнейший человек носил настоящую украинскую фамилию, которую получил, надо полагать, как приданое от своей жены-украинки. С его слов явствовало, что родился он в Крыму, возле самой Керчи; скорее всего на берегу Азовского моря. Теперь он вместе со всей своей семьей живет в Черкасской области. С его слов выходило, что он какое-то время работал в колхозе за какие-то гроши, пока не осознал, что начинает стремительно спиваться. Ходил он там, – я это понял с его слов, – в сапогах и фуфайке...

В это трудно было изначально поверить. С его-то, чисто еврейской физиономией? Но это, судя по всему, было действительно так... Невероятно, но факт...

О политике, мы, по обоюдному согласию, старались не говорить в нашей комнате. Этому причиной служила его хроническая нелюбовь к Украине. Он истово верит в своего московского бога, и ревностно посещает Лавру.

Так уж случилось, что я впервые отвел его туда. Сделав это в одно прекрасное и светлое воскресенье. Показав ему святую обитель во всем ее блестящем великолепии, как показали в свое время мне, работавшие там со мною трудники.

Ему и так было не сладко жить с семитской внешностью. Потому что у нас, как правило, бьют не по паспорту, – в котором у Игоря было все в ажуре, – а по еврейской физиономии. Его направили прямиком в самую отстойную бригаду

Буренка, где ему с декабря и до самого лета практически ничего не платили. В этом плане у него была даже худшая ситуация чем у меня, – мягкая интеллигентная внешность которого всегда мешала мне завоевать прочное место под солншком в среде люмпен пролетариев.

В первое время, чтоб прокормить семью, он, – как и все мы, – подрабатывал по выходным на пятак у Центрального вокзала, возле станции метро «Вокзальная». Правда, в скором времени, у него появился постоянный работодатель, один из тех парней, который теперь работает на себя, получая от бизнесменов заказы на прокладку кабелей к их новым офисам. Они предпочитают связываться с работающими на фирме электромонтажниками через Игоря, а не через того же Витю, например...

Скоро под влиянием той же Марии Алексеевны, в Игоре начали проявляться какие-то элементы религиозного радикализма. Он притаскивал в комнату образцы какой-то «подозрительной» литературы, характерные для той церкви, в которую он истово верил. Выдержки из этих «откровений» пылью припадали на его тумбочке в виде тотемов, вылеживаясь рядом с комнатным цветком, который он завез сюда со своей деревни. Однажды я не выдержал соблазна, и перечитал всю эту макулатуру. Написанное, скорее всего, напоминало инструкцию шпионам, как надлежит вести себя в глубоком тылу врага. « *Враг человеческий*, – гласило одно откровение иеросхимонаха Ан.-младшего Оптинского(По-

тапова), – *будет действовать хитростью, чтобы, если возможно, склонить к ереси избранных. Он не станет грубо отвергать догматы святой Троицы, Божества Иисуса Христа и достоинств Богородицы, а незаметно станет искажать переданные Святыми Отцами от Духа Святого ученье Церкви, и самый дух его и уставы, и эти ухищрения врага заметят только немногие, наиболее искусные в духовной жизни*». Или вот еще один образец такого богохульства: *«Строго держитесь Русской Православной церкви и святейшего патриарха московского и всея Руси, – написано в завещании некоего схиархимандрита Зосимы (Донецкого). – В случае ухода Украины от Москвы, какая бы ни была автокефалия – незаконная или законная – автоматически прерывается связь с митрополитом Киевским. Никакие угрозы и проклятия не признавать, так как они неканонические и незаконные...»*.

Под влиянием все той же Марии Алексеевны он, наконец-то, бросил пить, перейдя на более легкие аперитивы. Сделал он это, когда уже полностью утвердился в новой, хорошей бригаде; начал хорошо зарабатывать. До этого он так надирался на работе, что не помнил, как и в общагу попадал...

С тех пор он начал делать обязательную утреннюю зарядку. Занялся дистрибуцией в общежитии каких-то подозрительных российских мазей. Лечил зрение, глядя часами на свечку... По всему было видно, что его жизнь качественно

налаживалась. Дома его ждала любящая жена и дочери, которым он наконец-то мог устроить новую жизнь. Да он и сам приобрел какую-то внутреннюю респектабельность. Он и раньше был опрятным человеком. Теперь в нем отчетливо стал просматриваться уже настоящий столичный житель. Договариваясь о новой работе с работодателем, Игорь выставлял им почасовые расценки своего труда.

– Я стою очень дорого, – предупреждал он, называя конкретную сумму.

Как правило, ему не отказывали...

...Трудовые будни начались на следующий день, как только я поселился здесь в общежитие.

Всего один день мне пришлось отработать на Шулявке – после чего меня, вместе с другими, перебросили на Гната Юры в район ТЦ «Колибри».

Это были все здоровые, сельские ребята, которые даже не пытались в канаве скрыть за рамки приличия свои половые инстинкты, живо реагируя на каждую проходящую мимо юбку. Не пропуская даже древних старух. Молодым барышням обычно нет дела, кто у них под домом копается. На плоский сельский юмор кокетливо реагируют только девочки лет под 70...

Здороваясь, парни дергают руку так, словно пытаются ее выдернуть из сустава...

Всего пару недель мы озеленяем территории, где поздней

осенью велись работы. Разбрасываем завезенный чернозем и сеем траву...

Меня не покидает ощущение какой-то нависшей надомной тяжести. Этому ощущению придает реальности пасмурная погода. Все время над нами висит тяжелый полог, сотканный из рвани серых туч. То и дело сеется мелкий, весенний дождик.

Это была как бы прелюдия предстоящей работы, к нам осторожно присматриваются бригадиры. После этого начинается формирование бригад. Все делается путем внутренних опросов. Если кто-то по каким-то причинам не попал в число заветной бригады, его автоматически отправляли в уже устоявшуюся. Это намного хуже. Занять там хорошее место под солнцем гораздо труднее, если это вообще возможно.

Бригадир Леша Рубан, подойдя ко мне, сказал:

– Тебе не надо здесь оставаться. До понедельника здесь точно тебе работы не будет. Езжай-ка ты лучше на Софиевскую.

С Гната Юры на Софиевскую сплывили как раз тех, на кого здесь уже по разным причинам не могли рассчитывать. Этим людям предстояло сделать определенную работу за какие-то жалкие гроши, после чего от них, по каким-то надуманным причинам, должны были избавиться, как уже от отработанного материала. Весь барыш доставался начальству, – после чего набиралась новая партия рабочих...

Благодаря хорошо налаженной рекламе в провинции, недостатка в рабочей силе на фирме никогда не ощущалось.

Устав дома от беспробудного пьянства – люди из села вытягивались в столицу. Со всеми своими дикими повадками и привычками... Особенно хорошо это было видно здесь, на Выдубичах, рядом с промышленной зоной, где осело особенно много выходцев с родных колхозных полей.

Вырвавшись с под жесткого присмотра своих сельских паханов, они еще с большей силою ударились здесь во все тяжкие. Пространство перед «Фуршетом», – под транспортной развязкой возле подземного перехода, -буквально, завалено пластиковым непотребном, бутылками с-под водки и пива...

Было видно, что эти люди просто не утруждают себя мыслью, что от этого страдает вид родной столицы. Какой-то особый вид украинского свинства?..

Этим людям, как правило, по началу очень трудно было вписаться в кардинально новые для себя условия жизни в столице: где надо было жить по новым для себя правилам, которые в корне отличаются от тех, которые существуют по их селам и даже районным населенным пунктам. Здесь никто не будет ходить по общежитию с палкой, и упрашивать выйти на работу, как это делали еще до недавнего времени в колхозе их бригадиры. Здесь каждый должен был элементарно подчиняться заведенному режиму, – то есть жить в определенном темпе, в котором нет места многим привычкам, которые они вывезли с собой. Не вышел без причины, раз,

второй – сняли деньги, а потом уволили. Уже зная это, само начальство, не спешило с зарплатами, как правило, отдавая деньги в самом конце второго месяца работы; максимально допустимое законом время задержки вознаграждения.

За эти два месяца численный состав бригад, как правило, меняется кардинально; многие не выдерживают ритма, спустив до копейки всю зарплату, возвращаются в родимые пенаты, чтоб, спустя какое-то время, предпринять новую попытку...

...Наш вагончик стоял во дворе реконструирующегося дома в Михайловском переулке, в пяти минутах ходьбы от Крещатика. Здесь велись еще строительные работы. Стояли вагончики строителей.

С Майдана нужно попасть между фасадами, тех домов, наверху которых светится большая реклама пива «Славутич» и «Київміськбуду», на улицу Софиевскую. Откуда, повернув за угол дома, в котором когда-то жил известный на Украине композитор Майборода, – о чем ярко свидетельствует мемориальная доска на этом доме, под которой всегда лежит букетик желтых, весенних цветов, – попадаем в нужный переулок. Там, тогда еще в огороженном зеленым забором пространстве, среди хлама и мусора стояли вагончики строителей, к которым присоседился и наш – электро-монтажников.

Этой бригадой «смертников» руководил Виктор Виль-

гельмович – «Вильгельм». Это был улыбочивый такой мужик с животом, который вечно что-то жевал. Пирожки, пончики... Которые приносил сюда в большом кульке.

– Ще однеенький, – приговаривал при этом Вильгельм, доставая с кулька очередную жертву своего аппетита.

Услышав такое, «Бомбей» аж подпрыгивал от радости.

Этот Бомбей имел привычку доставать всех своими приколами. Приходя на работу, он садился играть в дурака, и с этого момента начиналось представление одного актера.

Помню, что к нам от вагончиков строителей постоянно приходила одна рыжая сучонка. Она становилась на проходе и терпеливо ждала, пока ей что-то перепадет. В это время она кормила щенков. Красноречивый, голодный взор говорил о многом.

С присущим ему белорусским акцентом, Бомбей спрашивал у нее:

– Что, Жуля, пришла покушать? – И начинал учить ее: – Тогда гляды Царынку прямо в глаза! Пусть даст тобы коклетку, шо йому жиночка положила? – Доставая этим бригадира: – Нэ скупысь, Царынок...Покормы собачку! А ты, Жуля, гляды йому прямо в глаза! Нэ отворачуйся! – Просил он снова собаку.

– Болтай, болтай, – огрызался бригадир, Коля Царынок, доставая карту. – Посмотрим, до чего ты доболтаешься?..

– Царынок, Буренок и Руденок, – говорил Бомбей, – одна мафия! – Достав одновременно двоих бригадиров присут-

ствующих здесь в вагончике. Да еще и присовокупив к ним – за созвучьем окончания фамилий – и самого начальника участка, Руденка.

(Бригада Буренка в это время делала у нас муфты...)

Получив, таким образом, заряд бодрости, – то есть, послушав утренние спичи Бомбея, – мы всем кагалом отправляемся на канаву. Всего восемнадцать душ. Захватав в руки тачки и лопаты – мы бредем по Михайловскому, а потом сворачиваем на Софиевскую...

Канавы тянется от самой трансформаторной будки во дворе нежилого двухэтажного дома, в котором живет какой-то бомжик лет сорока... Во время обеда его жильё оккупируют наши «житомирцы»...

Рядом магазинчик. Они покупают себе водку, и пьют там. Киев несколько не меняет их вредных привычек. Они, как и в себя дома, там, в своем житомирском селе, держатся здесь небольшой стайкой даже в нескольких шагах от Крещатика. Считают, что так легче выживать...

Продолжая канаву до Софиевской площади, мы снимаем пласт, за пластом, начиная с асфальта, стараясь не повреждать протянутые в земле коммуникации.

...Работаю вместе с «житомирцами»... Их шесть человек в бригаде. Ими командует некто «Махно». Он мало, чем схож с легендарным батькой доморощенных анархистов, хотя, примерно, одного с ним невысокого роста. Носит темные очки. Дома, говорил, что занимается охотой и рыбалкой...

К ним примкнул некто «Чикаго», – среднего роста мужичок, с заметным уже брюшком. В этой фирме Коля со дня ее основания. Он рассказал мне всю подноготную.

С его слов выходило, что ядро этой фирмы было сформировано еще во время работы в Чернобыле. Той бригадой, как будто бы, руководил отец нынешнего директора. Сохранив основной костяк, они создали электоро-строительную компанию, которая поначалу, – по словам того же Коли Чикаго, – занималась какими-то наладками, часто ездя по командировкам; только после этого, занялись прокладкой кабелей.

Вместе со своими соратниками, поначалу эту компанию зарегистрировали в Вышгороде. Там же приобрели офис, и наладили свое хозяйство...

Утвердившись в этой нише, компания окрепла настолько, что повела себя на рынке, как настоящая акула капитализма, скоро проглотив фирму, занимающуюся теплотрассами.

После этого неестественного симбиоза, ее офис появился уже на Выдубичах. В это же время в ее штате уже числятся солидные люди, поставляющие большие заказы в том числе, как говорилось, и от правительства. Ее участки были разбросаны по всему Киеву, включая сюда центральную ее часть...

...Работа тяжеловатая, – но поначалу я даже рад был такому обстоятельству. Это дает хорошую возможность показать себя с хорошей стороны. Раз первую зарплату обещали дать только в конце второго месяца, все это время при-

ходилось каждый свой выходной выходить «на пятак». Сюда каждое утро собираются те, кто желает продавать свои рабочие руки. Кто выпал по каким-то причинам со всех рабочих коллективов, или потерял возможность зарабатывать деньги иными путями. Предприимчивые люди всегда находят здесь тех, кто за деньги готов выполнять любую грязную работу.

Чего я только там не делал! И леса ставил, и арматуру вязал где-то в сторону, как на Конче-Заспу ехать... (Вот где дома отгрохали себе буржуи). Таскал какие-то интеллигентские пожитки, когда пара съезжалась с двух квартир в одну общую, на Киквидзе... В обоих, солидные иномарки... Еще что-то там двигал, перекладывал с пустого в порожнее, копал и заливал фундамент бетоном на Осокорках.... Теперь об этом даже трудно вспомнить. Так были пережиты самые трудные дни в столице...

Как видится теперь – поначалу мне мало, что давал этот культурный побег в столицу. От меня, как и от бывших колхозников, требовалось одного – выполнение чьих-то приказов. Какая уж там литература? Все, что я успевал в это время, – так это только записать в тетрадку свои первые впечатления.

Втискиваясь в живой организм мегаполиса, я наживаю в своей памяти первые кровавые мозоли впечатлений и позволяю себе завести простенькую тетрадку, чтоб начать понемногу записывать. Потом это станет основой для моей будущей работы. Без этих записей, я теперь не могу обойтись.

Идя на работу, я присаживался на скамейке в узорчатых тенях возле роскошного фонтана на «Золотых воротах», и успеваю до работы что-то там зафиксировать. С надеждой, что все это когда-то смогу как следует обработать, разобрать каракули и вернуть себе свежесть этих первых сильных впечатлений.

В это раннее время здесь находятся одни лишь случайные прохожие. Официанты начинают расставлять свои деревянные стульчики, готовясь еще только принимать первых посетителей...

(К самому концу весны уже, я, как следует, адаптируюсь к новым обстоятельствам жизни; возобновлю по воскресеньям посещение киевских храмов и музеев).

...Первый свой свободный выходной, – получив небольшую обязательную зарплату, – я отпраздновал тем, что явился в Святую Софию. Это было время цветения; прекрасное для Киева время.

Возле самого храма, в солнечном озаренье, сидел, окруженный немногими ранними посетителями, колоритный, усатый бандурист со своим древним инструментом. Тщательно настроив который, он тут же спел слушателям одну за другой: «Думи мої, думи» Т. Г. Шевченка, «Ой ти, дівчино, з горіха зерня» І.Я.Франка и непревзойденное «Всякому городу нрав и права» Г. С. Сковороды. Получив причитающиеся ему гривны, он попытался заговорить со мной, – единственным оставшимся возле него слушателем, – о политике.

В ответ получил от меня что-то резкое и нетерпимое.

– Ты не хочешь меня слушать? – Обиделся на меня бандурист.

– Нет, – сказал я резко, и тоже отошел в тень храма.

В это время кто-то положил мне руку на плечё. Огляды-ваюсь. Стоит наш прораб. Пухлое лицо Вильгельма расплы-лось в лучезарной улыбке.

– Что ты здесь делаешь? – Спрашивает.

– Да вот, – говорю, – зашел посмотреть, что находится за стенами святой обители. А то все ходим возле нее вокруг да около, все чего-то копаем возле ее стен, а за ними побывать не приходилось.

– Это хорошо, – говорит. – Так и надо... А я, – говорит, – тоже... вот, своих знакомых привез на экскурсию.

Свою недавно купленную «Шкоду», я думаю, он оставил возле наших и строительных вагончиков.

...В это время мы выходили со своей канавой с Софиев-ской на Владимирскую улицу. Навели над канавою мостки. На ночь, она остается вся в зеленых строительных щитах. Проходим приходится лавировать, находя среди них прохо-ды...

Житомирцы нашли документы, и притащили их поче-му-то ко мне...

Изучаю...

Следуя записям в «корках» делаю свой вывод, что ка-

кая-то эсбэушница, очевидно, перебираясь через все наши редуты, обронила их в канаву... Возможно нам эти документы по каким-то причинам, уворовав их, потом подбросили ее друзья-оперативники, с целью уволить симпатичную девушку за несговорчивость или еще какие-то там темные дела. В таких осиных гнездах всегда идет какая-то подковерная борьба. Рядом с нами, на Владимирской 33, известковою горою возвышается их героический офис...

– Ну, что будем делать? – Спрашивает Махно. – Может загнать ей за бабки?

– Я б эти документы переступил бы и не в коем случае не трогал, – говорю ему, – пусть бы валялась себе в грязи. Такие вещи они по любому выкупать не станут, а заставят, чтоб ты сам им их принес. Себе же дороже выйдет. Надо позвонить и сказать, чтоб пришла сюда и забрала свою поганую «ксиву».

В этот момент к нам подруливает представительный мужик, достает свои документы и говорит:

– Разрешите, представится, – говорит он, наклоняясь ко мне в канаву, и показывая документ в развернутом виде. – Я давно за вами наблюдаю, продолжает он. – Вы нашли какие-то документы?..

Прямо, как в дешевом кино!

– Берите, – говорю, – это ваша коллега здесь обронила. Мы как раз сами собирались ей звонить. Но с телефоном вышла заминка...

– В другом случае, – говорит, – я б с вами так не разгова-

ривал.

– Что, – спрашиваю, – забрали б свои застенки? Мучили б? Начали б забивать под ногти гвозди?

– Да, нет. – Смеется. – Что вы! Это не наш метод!

– А какие у вас методы? – Живо поинтересовался я у сотрудника СБУ. – Это уже очень интересно! О вас раньше такое писали...

– Чтоб это узнать, – говорит мне сотрудник спецслужб, – надо было б поступать, как вам советовали...

...Неожиданно погода испортилась.

Как-то внезапно жару сменила очень холодная погода. Вдруг, как будто бы, не с того не с этого, подул сильный, холодный, северный ветер. И, хотя, все признаки настоящей весны были уже на виду, – вся эта благоухающая прелесть расцветающих вдоль высокой каменной стены Святой Софии каштанов, с их прекрасными, белоснежными, похожими на стеариновые свечи, соцветьями, – в Киев надолго зачастили холодные дожди.

Канавы быстро превратились в настоящее болото.

Этот ветер сразу же надул мне ангину и конъюнктивит. Но я, по-прежнему, являлся на работу.

Возле помпезного здания СБУ, которое последователи железного Феликса, зачем-то из серого цвета успели, путем покраски, превратить в более светлый, – словно можно черного кобеля отмыть добела, – к нам был приставлен какой-то

их тип. Я понял тогда, что он наблюдает за нами вместо меня, с которого пытались сделать стукача, подбрасывая документы якобы своей сотрудницы. Теперь он торчал у всех на виду, пока мы проходили со своей канавой мимо этого звериного логова.

За это время здесь произошла одна безобразная драка и одно частичное разрушение их имущества.

Во время пьяной потасовки, упал, разбив свою голову о бордюр один из драчунов, и его с окровавленной головой, увезла скорая помощь «Борис». Оставив нам самим решать: чего не поделила пьяная компания?.. А ближе к вечеру, при неуклюжем развороте, какая-то девица врезалась в будку охранника, сильно напугав при этом сидящего в ней милиционера.

– А мне, – говорила, – вот так надо было развернуться, чтоб проехать: ввоон туда! – И показывает пальчиком.

Эти события, произошедшие почти одно за другим, стали предметом длительного и всестороннего обсуждения в нашей бригаде. Особенно доставалось менту, который, выскочив с будки, имел совсем бледный вид. Тема разбитой роскошной иномарки, тоже будоражила умы вчерашних колхозников. Но здесь все сводилось к тому, что за свою девочку заплатит тот, кто подарил ей эту машину и права...

Тема машин не затухает в нашей бригаде. Благо они, как на параде, нескончаемым потоком движутся по оживленной Владимирской улице.

Здесь есть на что посмотреть. «Жигулятники» почти вымерли, как мамонты советского периода...

С ходу проходим известную по роману «Золотой теленок» улицу Прорезную, которая недавно обзавелась памятником незабвенному Паниковскому...

Прорезную прошли ночью. Вручную разобрал на бут брусчатку, положенную здесь после войны пленными немцами. После чего вырыли трактором траншею, расчистили внизу старые коммуникации, под которыми к утру уложили свои трубы, в которые будем, потом, запускать кабеля...

На одном дыхании прошли мимо южно-корейского и армянского посольств...

Они находятся рядом с домом, в котором когда-то родился певец Александр Вергинский. А, напротив, по Владимирской, 36, – в отеле «Прага», – останавливались когда-то художник Васнецов, и жил в свое время знаменитый чех Ярослав Гашек, написавший «Бравого солдата Швейка»...

Здесь все так и дышит историей.

Проходим когда-то известный в городе ресторан «Лейпциг»... Место это в Киеве примечательное мне. Здесь я праздновал свой двадцатый день рождения. Когда это было? Очень давно...

Копаем дальше...

Внутри себя Киев выглядит не столь привлекательно. Трудно рассмотреть в глине что-нибудь красивое, особенно так, после обильно выпавшего дождя.

Как-то откопали горсть медяков недавнего советского прошлого...

А вот находим явно человеческие кости... Человеческие останки всегда будоражит умы. «Ведь кому-то они принадлежали прежде? Какой-то добрый или злой дух занес их сюда, под древние стены стольного града?», – задаю я себе любопытствующие вопросы...

К нам подходит какая-то старушка.

– Накопайте мне, – говорит, – глины в этот мешочек. – И подает мне вместительный пластиковый пакет.

– А зачем вам нужна эта глина? – Интересуюсь.

Старушка говорит что-то путанное. Говорит, что – по словам митрополита – (Я не спросил какой церкви), – глина в этом месте святая...целебная...

– Я пью ее с водою, – говорит старушка...

– Может вам положить сюда и целебные мощи! – Достāju с канавы, и показываю ей берцовую кость. – Бранные останки какого-то супостата, оставшегося навечно лежать у Золотых врат нашего вечного Второго Иерусалима!..

Напротив Оперного театра, на углу большого перекрестка, под некрасивой стеной многоэтажного монстра советского образца, претенциозно выглядывающего в окружении более породистых сооружений, мы находим под самым верхним слоем положенных недавно фэмов (фигурными кирпичами, которыми выкладывают тротуары) – уже сплошные кишки от проложенных там, в разные годы коммуникаций,

фрагменты каких-то относительно современных фундаментов. Здесь же мы находим целый слой армированного бетона. Приходится вгрызаться в него с помощью перфоратора. Это сильно тормозит нашу победную поступь к станции метро «Театральная». В этом месте нас настигают ливни. Грязь заполняет снова, только что вырытую канаву. Мы упрямо очищаем ее вновь... и вновь.

Прокопав метров триста. Мы делаем обязательную протажку. Запускаем штук шесть кабелей. Заваливаем песком. Выкладываем кирпичом. И снова засыпаем канаву песком. Трамбуем...

Свернув на Хмельницкого, мы выходим на «финишную» прямую...

...По ту сторону дороги, за Оперным, недалеко от того места, где когда-то была Первая Киевская гимназия, в которой учились Константин Паустовский, Михаил Булгаков и Илья Эренбург, – о чем-то я, прежде всего, вычитал в книжке Паустовского, – виднеются над домом медные башенки приметных надстроек, – мансард, – под которыми, как утверждает наш бригадный старожил Чикаго, теперь живут братья-боксеры Кличко...

Отсюда мы сворачиваем резко в другую сторону за угол, и, обойдя несколько ларьков, начинаем спускаться вниз, прямо к станции «Театральная».

...Прошло уже три месяца и нам, наконец, выплатили вторую зарплату, в лучшем случае всего только: по несколько

сот гривен. Все были на некоторое время огорошены и подавлены такою щедростью своего начальства. Появившийся на участке Руденок, неожиданно для всех обвинил всех в том, что мы, якобы, много сидели и поэтому ничего не успели сделать. Тут же к нам пригнали каких-то новых людей, которые толпой начали заполнять наши канавы. Это всегда так делалось, когда от кого-то здесь пытались избавиться. Здесь, как я понял, все шло по однажды намеченному плану. Хотя все мы остались уверены в том, что эту работу сделали достаточно быстро. Если учитывать то обстоятельство, что приходилось делать всю работу вручную, тогда как в самом начале нам обещали выделить на таком сложном участке настоящий трактор.

Подходивший к нам чиновник с администрации этого района, назвал нам реальную сумму, в которую обходится им метр такой протяжки. Нам, на зарплату, и процента не выдавали. Теперь мы должны были уйти, очистив свое место для новых рабов из села. Всегда ведь кто-то должен будет на голом энтузиазме и пустом желудке, на своих костях – строить в пустыне все эти пирамиды, весь тот коммунизм в самой отсталой империи или прокладывать в тайге и болотах железную дорогу... Всегда найдется раб, который выкопает в этой целебной глине почти задаром канаву, проложит в ней коммуникации и включит, вам киевляне, свет...

Суть рабства по сути дела всегда остается одна: въехать в земной рай – на чужом горбу. Всегда найдутся продажные

бумажные души, которые опишут это как продолжение мудрой политики какого-то президента, мудрого царствования какого-то сатрапа, какой-то великой особы, вождя, который умело организовал, обосновал и преподнес своим подданным в красивой упаковке это безобразие. Теперь это называется бизнес-проектами умных менеджеров.

Рабы, военнопленные немцы, вчерашние колхозники... Когда же нам научиться платить за проделанную работу?...
...И вот работа почти что закончена.

Уже был протянут последний отрезок кабелей от угла Владимирской и Богдана Хмельницкого почти до самой станции метро «Театральная». Над слоем писка уже в аккурат был выложен слой красного кирпича... Оставалось, всего-то ничего, уложить поперек фэмы.

Но ночной ливень не оставил там камня на камне. Утром, вернувшись на канаву, мы нашли все собранное в большую грязную кучу, внизу возле станции метро «Театральная»... Пришлось проходить этот отрезок по-новому...

...Мы еще задерживаемся на некоторое время во дворе дома в Михайловском переулке, огороженного зеленым забором. Нам поручили еще одно ответственное дело, заключающееся в прокладке кабеля к реконструированному дому, в котором, по сведению того же Чикаго, поселился брат самого президента Ющенко; народный депутат. Сложившись в настоящий дружный коллектив, мы уже не торопимся расставаться.

Стало очевидным, что нас не будут разгонять, а постараются сохранить, как боеспособный коллектив... Нас хотят перевести на Саксаганского, где уже второй месяц разворачиваются масштабные работы по прокладке кабелей и теплотрассы...

...Для моей молодой страны это было время непростых испытаний на прочность. После парламентских выборов в стране, в ней образовалась неустойчивая политическая ситуация, которая после измены одного из лидеров, обернулась настоящим поражением демократических сил. На какое-то время пришли к власти люди, которые контролировались спецслужбами соседнего государства. Трудно даже было придумать, что-либо более еще унижительнее для моей страны, чем упрямое навязывание в руководство страны человека с двумя уголовными судимостями. Начался процесс уничтожения государства. Я видел радостные лица тех, в духе кого не было любви к этой стране.

Помню одну такую подбитую ветерком сволочь блудящую по Саксаганского с лопатой. Вечно пьяная, но с газетою «Сегодня». Слова доброго не услышишь от него об Украине... Только и слышно, что припудривает кому-то мозги...

По жизни туповатые бригадиры, начали наперебой зазывать его в свои бригады...

В это время все патриотическое прицельно уничтожалось, а выстрадавшее народом, поддавалось остракизму. Сколько

хороших и честных людей в это время заставили молчать, они не нашли себя в этой стране, и вынуждены были искать работу где-то за границей. Впрочем, разве только тогда. А вся эта тупорылая сволочь, которая вечно топчется здесь у всех на виду, отравляла атмосферу мирной жизни.

Страна стремительно погружалась в анархию и хаос, который вела ее к полному разрушению. Повсеместно заговорили о твердой диктаторской руке, только одной способной навести порядок.

...Какая-то шустрая бабуленция вынырнула прямо на меня, когда я только что вылез с канавы. Ночью была страшная гроза, которую мы, вышедшие работать в ночную смену, пересидивали под зданиями. Дело было в районе гостиницы «Кооператор». Я был вымазан весь в эту целебную глину, как черт.

Мы только что прошли Тарасовскую.

Где-то в этом районе, на Саксаганского 61, в свое время, увидел свет мой первый рассказ: «Бабуся, м”ясник та двое реберець”.

Бабулька клюнула на меня, как на какого-то сельского люмпен- пролетария. Моя вывоженная в целебную глину лопоть, давала ей такое право ошибиться. В руках у нее была набита чем-то потертая сумка, делающая ее саму чем-то похожей на агитатора из мого недалекого коммунистического прошлого.

– Власть теперь поменялась, – елейным голоском, запримененным

читала она. — Теперь мы снова будем дружить с Россией. Мы получим дешовый газ...

— Агитировать пришли? — Спрашиваю. — Не надо... В вашем возрасте надо больше думать о Боге, а не о подозрительной дружбе с Россией, — продолжаю я. — Сходить бы вам, бабушка, во Владимирский собор, покаются...

...Работа на теплотрассе и «110-ке» кипит днем и ночью. Здесь задействованы все основные мощности этой фирмы. Ежедневно перелопачиваются тонны целебной глины и песка. Туда-сюда снуют груженые «ДАФ»ы, «МАН»ы и «Мерседесы»... Не считая уже разной мелкой машинной шушеры.

Мощные «Атласы», вгрызаясь в грунт, роют глубокий котлован...

И не зря...

Позади уже, лежат в специальных лотках кабеля и трубы теплотрассы, засыпаны гарцовкой, ждут, пока их завалят песком, затрамбуют и уложат новый асфальт.

Днем и ночью наши люди сидят в канаве. У нас над головами, вдоль кромки котлована, снуют, создавая деловой вид, мастера и бригадиры. Снизу они похожи на лагерных надсмотрщиков. Не хватает немецких овчарок и пулеметов на вышках...

Вот, идет бригадир, Леша Рубан. Бывший комсомольский работник, и белорус по национальности. Раньше плавал на торговом флоте, а теперь командует здесь. Плотный...

С присущим для его речи белорусским акцентом, Леша

Рубан, кричит на присевших отдохнуть рабочих:

– Что посели? Что постали? Давай, рабии!..

Есть, правда, еще одно слово, без которого бригадир здесь никак не может обойтись: «Шурфись!». Вот это волшебное слово, которое приносит любому бригадиру львиную долю его приличной зарплаты.

На любые отговорки, Леша реагирует одинаково быстро.

– Меньше текста, – говорит он.

Игорь, с которым мы делим квадратные метры в комнате, дела которого на «110-ке» пошли резко вверх, рассказывает мне: как этот Леша Рубан, пытался научить его правильно работать.

– Если ты очень устал, – вкрадчивым шепотом, говорил ему бывший комсомольский работник, – то ты сильно не напрягайся... Лучше сядь, посиди, отдохни немного, – а потом ты быстро наверстаешь упущенное...

Узнав, что я пишу, – Игорь просил меня обязательно вставить этот Лешин «текст» для потомков. Может кто-то еще клюнет на приманку Киевской электро – строительной компании, и окажется в них на Выдубичах...

...Лешина бригада, – это, как правило, хорошо спитые мужички, которые постоянно работают под «Атласом», ровняя борта канавы, – всегда зорко выслеживая под ковшом экскаватора, проворно выхватывая с-под него любой ржавый металлический предмет. После чего они положат его в отдельную кучу, а вечером, погрузив все ржавое железо в тачку,

свезут его в пункт приема вторсырья, чтоб пропить. На следующий день все повторится с завидной последовательностью...

...На какое-то время я остался с них сбоку припекой. Пока не получил новую зарплату за Софиевскую, которая у меня оказалась самой большой в бригаде. Правда, не настолько большей, чтоб надо было б предпринимать в моем понимании какие-то суровые санкции ко мне со стороны бывших колхозников. Я не прогулял не одного часа, трудился не хуже других, и за это получал свои деньги по заслугам. Оказалось, что и этот мой небольшой успех не прошел мимо их завистливого внимания. Этого хватило, чтоб меня срочно перевели в отстойную бригаду Буренка. Для меня это означало – конец...

Это решение бригадиров настолько шокировало меня, что я даже несколько дней не мог прийти в себя. Уверенный в своей полезности, я не принял меры подготовить себе запасного варианта с работой...

С месяц, я тупо вынужден был ездить с Выдубичей до станции метро «Лукьяновская». Откуда на троллейбусе в Оболонский район (что за Куреневкой и регбийным стадионом «Спартак»), достигая каждое утро аж остановки «Полупанова». Эту улицу, давшую название остановке, назвали в честь человека, который в гражданскую войну командовал флотилией, с Днепра обстрелявшей звонницу в Лавре. Где, на Макеевской улице, бригада, того же Буренка, подключала

готовящийся к сдаче новый дом. Какое-то время я привыкал к новому месту работы. Здесь подобрались люди, считающие основной своей работой, установку муфт.

С утра они дружно отправлялись в ближайшую наливайку...

Сам бригадир носил очки с толстыми, диоптрическими линзами, что делало его сильно похожим на водолаза. Вот уж воистину: «у кого четыре глаза, тот похож на водолаза...»

Когда нам приходилось тащить кабеля, он всегда делал зверское лицо...

...Сделав здесь работу, бригада перебралась на Луначарского, к станции метро «Левобережная». Там тоже надо было подключать новый дом. Так и кочевал я с нею еще пару месяцев...

...Больше не хочется говорить уже о набившей оскомину работе, как и о том, что рабочий день у этих бригадников начинался с обязательного посещения близлежащих пивнушек. Сколько метров меди и алюминия ушло оттуда в пункты сдачи вторичного сырья?

Это были все высокооплачиваемые работники, с очень высокими разрядами... Им, в отличие от меня, платили достаточно хорошо...

И тем более не хочется рассказывать о бесконечных спорах с этим нелепым и злым полу-евреем, пытающимся что-то мне доказывать... Он-то, даже собственной работы тракториста толком не знал...

Теперь, когда на работу мне не надо было спешить, я начал заходить по утрам в Интернет-клуб «Матрица», – что находится в подвальном помещении на Шота Руставели, – и, поработав там с пару часиков над своим рассказом о Лавре, отправлялся на одну из двух станций метро: «Крещатик» или «Дворец спорта», – чтоб переехать оттуда на «Гидропарк»...

Стоя там, на высоком мосту через Венецианскую протоку, – долгое время наблюдал за рыбаками, таскающими перед мостом серебристую плотву.

В это время в темной проточной воде появлялись плавающие тела nudистов...

...Медленно загорался новый, неповторимый осенний день. Тихо осыпались листья с деревьев на Долобецком острове, как листки с календаря моей жизни...

Я родился осенью...

Скоро я снова стану еще на один год мудрее...

...Потом я набрал номер телефона, и позвонил начальнику охраны Окаевичу...

Начинался новый, творческий этап в моей жизни. Уже больше сопряженный из литературным процессом...

2007 – 2008

Ниже плитуса

...Тогда я взял телефон, и набрал номер начальника охраны Окаевича.

Об этом человеке, на которого наложила неизгладимый отпечаток его предыдущая служба, досужие языки здесь правили разное. Все эти мнения я, рискну подвести к одному знаменателю: человек этот пользовался определенным и несомненным авторитетом. Загадочность ему обеспечивал тот ореол, который всегда окружал сотрудников СБУ; Служба безопасности Украины – обломок, доставшийся Украине от таинственной и закрытой организации, какой являлась когда-то советские органы госбезопасности – КГБ.

Окаевич успел поработать кагэбэшником.

Закрепить расхожее мнение помогала распространяемая начальством легенда о том, как в голове какого-то работающего на канаве бывшего колхозника, наблюдающего за путающимся без видимого дела невзрачным и плюгавеньким мужичонкой – с лысиной на всю голову, – вызрела неплохая идея (такое часто бывает!), самым энергичным способом повысить свою социальную устойчивость в этом коллективе, показав настоящую рабочую крутость: он реально отправил этого мужичонку за Можайский лес, чтоб якобы не путал-

ся у него под ногами, когда он, труженик, и гегемон, загорелся в работе! Услужливая молва, потом, доносила принятым на работу новичкам, что тому бедолаге, смело «пославшего начальника охраны Окаевича», не дали времени даже опомниться и доработать до конца смены, – срочно вызвали в офис, что в Вышгороде, где его уже дожидались документы в отделе кадров, а также остатки заработной платы (с учетом всех вычетов). Человек сгорел, как говорится, на своей работе!

Встретившись с начальником охраны в холле конторы (по его звонку), я нашел Окаевича именно таким, как доносила молва; он пригласил меня на собеседование.

Он был ограничен во времени, собрать на меня дополнительную информацию, фирма захватила огромный кусок территории – воинскую часть в 24 километрах по Житомирской трассе, между Милой и Капитановкой, – на охрану которой требовались новые люди. На ловца, как говорится, и зверь явился. Этим зверем – оказался я.

Сыграл свою положительную роль и мой бывший мастер, который, вернувшись с отпуска, начал собирать новую бригаду, неожиданно появился в холе, во время моего разговора с Окаевичем, и начал переманивать меня, предлагая золотые горы.

Если б не эта литература, к которой я был уже привязан по гроб жизни, и рвался в ее гавань, как спортсмены спешат к финишу, – я б, естественно, клюнул на его посулы. К Вильгельму я не пытал никакой неприязни. В эту охрану меня тянула только литература, и тогда я сказал Вильгельму, чтоб он немножко подождал. В это время к нам и подошел Окаевич. Они перетерли с Вильгельмом с глазу на глаз, и бывший эсбэушник растаял, – что на него совсем было непохоже, – он без особой проверки, уже на следующий день, отправил меня с двумя «западниками» принимать под охрану оставляемую войсками воинскую часть.

Вечером того же дня, я появился в кустах на берегу канала с бутылкой портвейна и «обмыл» новую ипостась. Работа охранника на этой фирме, обещала мне необходимое время для занятий литературой, условную крышу над головой и вполне приличную по тем временам зарплату. Я учился ценить любые успехи.

Сидя там, среди увядающих своими осенними уборками деревьев и кустов, попивая винишко с пластикового стаканчика, я вскользь наблюдал за юркими голавлями в прозрачной воде канала, и думал, что теперь все наладится в моей жизни. Я придумывал себе, как экономно буду тратить свое свободное время. Мне надо было, в первую очередь, полно-

стью восстановить писательский архив, и в то же время, не останавливаясь, продолжить прерванный насильно недобрыми людьми свой литературный процесс.

«Это Бог так постарался, – думал я, – чтоб меня взяли охрану на эту фирму». Других объяснений своего чудесного превращения мне искать в тот тихий октябрьский вечер просто не хотелось. Услужливое воображение, подкрепленное влиянием вина, рисовало мне радужные перспективы на самое ближайшее время, обещая много приятных минут, проведенных за рабочим столом.

Уже на следующий день, я бродил среди сосен на новом участке. Я внимательно присматривался к новому месту обитания. Казарма, кухня, столовая, машинные боксы, подземные железные бункеры, разбросанные в сосновом бору вокруг воинской части... Все это внушало своими не детскими размерами. Генералы, которые основательно готовились здесь к прошедшей войне, без боя оставили военное имущество, в которое были втюханы колоссальные народные средства; теперь драпали по всему фронту, оставляя атакующим «буржуинам» богатые трофеи, в виде устаревшего имущества и жирных пядей земли. «Это же, сколько надо было сносить по нашим селам фуфаек, чтоб отгрохать все это? – Задавал я себе интересные вопросы, рассматривая потери народа. – Сколько надо было вылазить, таким же, как я, по все-

му Советскому Союзу в поисках руды в бытность свою геологом? Кому-то же, теперь, это все досталось?» Кое-где, уже были извлечены из земли небольшие бункеры, и, очевидно, тут же переправлены в вторчермет. При таком же скрупулёзном осмотре были обнаружены также и поврежденные кабеля, которые, очевидно, были отправлены в том же направлении.

Нетронутой оставалась, разве что, спрятанная в лесу и огороженная со стороны сел высоким железным забором территория самой воинской части, в которой дотягивало свой годичный срок до дембеля около двух десятков солдат, за которыми присматривал один майор.

Солдаты занимали помещение на первом этаже здания штаба; там, на самом низу, стояли их койки. Мы – охрана – заняли весь второй этаж. Поставили свои кровати, оборудовали кухню.

Начальник охраны нового объекта, – Бека, – лет под тридцать и неплохо сбитый молодой человек, добрался сюда на добитом до ручки, своем стареньком «Пежо», оборудовал себе комнатку, забрал в нее небольшой холодильник. С ним неотлучно находился невысокий пацанчик, Антон, которого везде таскал за собою, как свой хвост обезьяна, начиная с времен, когда работал в рыбоохране. Этот пацан исполнял

при нем роль денщика и, одновременно, горничной... Как и подобает барину, Бека завел себе настоящего раба.

Потом он перевез сюда своего слепого отца, и назначил ему неплохую ставку. Если на других постах Окаевич платил своим подчиненным, вроде курам на смех, – то здесь, он, как потом выяснилось, ожидая своего родственника Витю, – мужа сестры, – назначил максимальную тарифную ставку. Потом, Бека притащил сюда своего больного пса.

Тошая, как велосипед, псина, без конца семенила по территории воинской части, наводя тоску. Собака, смешно, на поворотах заносила свой тощий зад. Бека пристроил ее на ситную пайку служебной овчарки. Больше, очевидно, перевозить сюда было некого: в Вишгороде оставалась только жена и двое еще малолетних детей. Бека, пару раз, привозил их в гости (не выдержал старенький «Пежо»). Испустив свой дух, автомобиль занял почетное место на плацу, прямо под окнами штаба.

Теперь, в ее внутренностях копались все, кто с трудом свечку отличал от карбюратора, – таких, даже здесь, нашлось много. Иногда, охранники пытались завести авто «с толкача». Аппарат лишь издавал какие-то невнятные звуки, но заводиться не желал. Бека, все это время, почему зря поносил французов. Это они, лягушатники, смастерили такую

плохую машину.

– Что еще можно ожидать от этих жабоедов? – вопрошал Бека. И тут же делал однозначный вывод: – Из полезных вещей, французы придумали только менет...

Меня эта возня мало занимала. Надо было сваливать отсюда. Если бы не литература...

Здесь я нашел себе отменное место для литературных медитаций – перегороженный дамбой ручеек, образовавший среди леса небольшое чудное озерко, углубленное очевидно здесь земснарядом, с чистой глубокой и прозрачной водой, плавающей осыпающейся с окружающих его листвой на темной поверхности; излюбленное место для прогулок всех местных собачников. От воинской части к пруду вела добротная, укатанная дорога. Раньше, сюда, очевидно, ездили отдыхать военные чины: здесь же на берегу имелась надежно обустроенная купальня, туалет и достаточно длинный стол для трапезы.

Пока Бека копошился возле добитого до ручки «Пежо», я, прихватив с собою солдата, и пару бутылок пива, отправлялся в сосновый лес.

Сразу же, после приезда, нам первым делом удалось обу-

строить себе уютную кухоньку. Одну и комнаток, рядом со спальным отделением, мы очистили от мусора, прибили полочки для посуды, наклеили фотообои. Получился очень уютный кухонный уголок.

Я стряпал там. Пока, Бека с Антошкой, занимались авто.

Беке часто доводилось отлучаться в Киев; сдавать сессию в университете. Скоро, он поселил в своей комнате компьютер, который Антон приспособил для игр. Отец, пользуясь случаем, весь по старой советской привычке, корежил брошенное армейцами имущество, «добывая» винтики и шпунтики. Собранные, таким образом, детали он сортировал каждую в отдельную кучку!..

Скоро явился родственник Окаевича. После приезда Вити, все закрутилось с новой силой вокруг его персоны. Все связи, внутри коллектива, начали собираться по-новому...

Отработав три недели, я отправился на отгулы в Киев, приобрел за сотню баксов, бэушный ноутбук, и начал, наконец-то, серьёзное восхождение в литературу...

Вернувшись обратно, я нашел, что оставленный запас макарон, практически исчерпанным. Они питались ими целую неделю, пока не приехал тот же Витя и не организовал им

жирную диету.

С этого времени, они питались одним салом, которого я терпеть не мог.

Они забрали холодильник в комнату Беки, наполнив его своими домашними харчами. Они вместе питались. Бека копил деньги на новую «Ниву»; наобещав «своей горничной», Антону, отдать поломанный «Пежо».

На пропитание, мне хватало опенок, которые я находил на территории части, поджаривая их на подсолнечном масле (часто угощая всех желающих). Расход в еде был минимальный, что очень нравилось Беке. Новую машину он купил себе – в полгода.

Витя, – муж сестры Окаевича, – крупный с виду мужик, – пасечника, – бывшим в бытность своей армейской службы лагерным вертухаем, принялся наводить свои жлобские порядки, – целеустремленно перетаскивая людей – от Беки на свою сторону. Начались мелкие, характерные для такой шайки, внутренние интрижки. Витя оказался обычным интриганом. Меня вся эта возня не занимала. В гробу я слышал его сказки о полезности домашних пчел и своих лагерных подвигах, которые он пытался мне навязывать. Большинство растений, как известно, опыливается дикими пчелами, кото-

рые работают в одиночку. А о лагерных делах и овчарках, я начитался еще у Довлатова, книгу которого, я таскал за собою.

Как-то на досуге, я попытался читать Вите некоторые рассказы вслух.

Витя не стал слушать, и сделал правильные для себя выводы по этому поводу: он начал жаловаться всем, что я оскорбляю его, невнимательно слушаю о пчелах, и еще нашел, ему, бывшему лагерному вертухаю, читать какую-то книжонку...

Я не оспаривал его мнение, он имел полное право невзлюбить меня за что-то. Но я старался быть честным и из собой: мне очень сильно не понравился сестро...б моего непосредственного начальника. Быть может, познакомившись с ним поближе, я бы стал ему помогать. Но Витя действовал слишком напористо, пытаюсь неуклюже сменить Беку. Он, похоже, искал себе союзников.

Скоро я уже знал, что этого Витю разыскивают какие-то бандюгны. Что-то там произошло связанное с партией меда, в которой он нахимичил, чтоб выгодно продать его где-то в Белоруссии. В эту историю были вплетены какие-то бабы, – коммерсантки, – что-то там у них не срослось с Ви-

тей, – вроде бы бабы раскрутили его, присвоив себе выручку, сославшись на то, что мед, якобы, от неумелого хранения испортился. После чего Вите и пришлось прибегнуть к услугам крымских бандитов, чтоб выбить с этих баб часть денег за партию испорченного меда. Этим же бандитов, как потом Витя выяснил для себя, перекупили все те же бизнес-вумен, после чего, он, опасаясь нового наезда, отправился сюда. Но даже здесь он не чувствовал себя в полной безопасности, боялся, что его вычислят, найдут, где он скрывается, и нагрянуть сюда в любой момент...

Он боялся ночных шорохов; вздрагивал от каждого неожиданного появления незнакомых людей на КПП; часто звонил своей жене... Однако сюда, заглядывали разве что одни лесники, которые хотели знать, когда им передадут лес, который был закреплен за военными.

– Лучше не связываться с бабами, – резюмировал бывший пасечник. – Это же такая гадость! Последнего бабла не пожалеют, все отдадут, лишь бы добиться своего!..

В этом, я могу, поставить свою подпись под каждым его словом!

Скоро Окаевич перевел меня на другой объект.

...Я сразу же оценил это место, приходя во внутренний восторг. Вот, оказывается, что мне было нужно всегда! Я должен был всего лишь сутки отсидеть на «Автобазе» предприятия, и трое суток – были моими! Я мог, наконец-то! посвятить себя всего литературе. Крыша над головой у меня была. Это была удача! Для этого, оказывается, не надо было открывать загадочные пещеры, наполненные разбойничьими кладами; плыть за три моря, чтоб отыскать пиратские сокровища! Мое сокровище: свободное время, которым я мог управлять по своему усмотрению! Отсидев в будке возле офиса фирмы, я мог заниматься литературой на качественно новом уровне!..

Лучшее время в моей жизни! В плане работы. Здесь я, наконец-то, мог не думать о хлебе насущном, все это плыло как бы мне само по себе; я так же ощутил себя вольным от всяческих обязательств. После того, как я потерял все на родине – очаг, свободное время и клочок обработанной своими руками земли, – я снова приобрел все это в столице!

Связей со своей родиной, я уже не поддерживал.

На моей родине на меня устраивали охоты, с целями: сначала запугать меня, а потом посадить в тюрьму, где уничтожить руками каких-то уголовников. Это все осталось в

недалеком прошлом. Я не жалел о погубленных клубничных грядках, которые приносили доход; не о уничтожаемой отцовской хате... Я жалел, сначала, только о свободном времени, которое я мог тратить на литературную работу. Теперь его у меня снова было много. К тому же, мне теперь никто не мешал!

Короче, все складывалось для моей литературной судьбы самым выгодным способом. Вначале очутившись в большом городе ниже плинтуса, я, наконец-то, обрел все, что необходимо было настоящему художнику: приемлемую бедность, немного пищи, крышу над головою, необходимую свободу и свою общую неустроенность. Я теперь мог, закончив свою практически ежедневную работу на компьютере, отправляться бродить по городу, отыскивая в нем укромные уголки. Мог посещать выставки художников под открытым небом на Андреевском взвозе. Ходить на футбольные матчи. Иногда, купив в «Фуршет» бутылочку, выбраться с ней на Лысую гору или, затерявшись практически в лесной чаще где-то вдоль отводного канала, сидеть там часами на каких-то полуистлевших бревнах, потягивая дешевый «Портвейн».

Чхал я на то, что трое охранников, – двое из которых ездили сюда с каких-то городков, тащивших здесь не слишком

обременительную службу, которые и здесь встретили творческую обособленность несколько насторожено. К этому я давно привык и не обращал особого внимания. При передачах смен, мы, обычно, успевали обменяться только словами: здравствуй/до свиданья. Это люди были весьма определенные, в основном пьющие...

Сдав свою смену, я спешил в общежитие, где меня уже ожидала Мария Алексеевна (мое возвращение с работы совпадало с ее приходом на смену), и начинался мой поход в литературу. Может эта женщина, отягощенная своими заботами, и вовсе меня не ожидала; но любому человеку хочется, чтоб его всегда кто-то ожидал, вот у меня и вырвалось к слову. Тем более, что ее присутствие настраивало меня всегда на творческий лад.

Оказавшись на своем месте, я тут же замыкался у себя в комнате и писал почти до обеда. Потом уходил в город; гулял возле канала; бродил вдоль Надднепрянского шоссе: до заправки и обратно – это не меньше двух километров...

Иногда я выпивал вина и тогда меня тянуло пообщаться с Марией Алексеевной, дежурной на этаже (если это ее смена) – то есть поспорить с нею на темы религии в нашей жизни.

Теперь я понимаю, что это была естественная потреб-

ность общения с этой интересной женщиной. Между нами оставалась какая-то несокрушимая стена ее фанатичной веры в навязанного извне московского бога, мнение о котором у меня сложилось еще в бытность, когда я жил в Лавре. Никакой мой сарказм по поводу святош не смог поколебать в ней это пристанище, в которое она себя загнала. Я ей ведь тоже был не безразличен, это было видно даже не вооруженным взглядом. Даже когда она воткнулась в меня грудью в моей холостяцкой общежитовской комнатухе, когда надо было показать какую-то компьютерную функцию, я еще не готов был преодолеть тот возникший барьер. «Трудно тебе с бабами, – постоянно обращаюсь я к себе, – намечтаю, а потом бьюсь лбом об ту же стенку. Надо быть с ними попроще...

...Уволился Витя И., с которым начиналась моя работа на канавах.

Эту зиму я проживу с одним только Игорем в комнате. К тому же, он, довольно-таки, часто ездил к себе домой. Скоро в комнате появился какой-то бывший милиционер.

Игорь поступил опрометчиво, и скоро уже жаловался мне, что он горько ошибся. Их тандем в комнате, очевидно, был рассчитан против моих политических убеждений. Быв-

ший милиционер обещал помочь ему локализовать мое влияние.

Колесниченко легко можно было отнести к тому типу людей, которые ради достижения каких-то своих мелких желаний, может натворить чего угодно. Бывший милиционер давно мечтал стать бригадиром.

Еще на Софеевке, под началом Вильгельма, я работал с ним в одной бригаде. Он, постоянно, оставлял во мне ощущение какой-то своей пустотелостью: будто из него, как из шкафа, сдали на очистку когда-то совесть, и позабыли вернуть ее обратно.

Бывших ментов, как известно, не бывает. Его угодливость, касалась только отношения с начальниками. Тогда он казался очень гибким, почти резиновым.

Игорь понял это, но было уже слишком поздно. Идейного товарища по борьбе с «украинским национализмом», с бывшего милиционера не получилось. Однажды сходя в Лавру, Колесниченко сразу же забросил все это дело. Ему эти игры в «божков» стали неинтересны; он искал себя там, где была реальная власть и деньги. Пусть все мелкое, на уровне отдельной бригады, но это было что-то настоящее, понятное каждому. За это он готов был вступать в союзы, безбожно

врать, хвастаться, искать себе попутчиков против кого-то и т.д.

...После нескольких попыток ужиться на одной жилплощади с какими-то подозрительными афганцами, пропивающих светлую память «о боевом братстве», – «рогатыми» фермерами, которых бросили блудливые жены – и «крутыми сельскими перцами», которые в столице быстро оказались под «конкретными пацанами», – наконец-то, вселился паренек с Ровенской области, – Юра, – с которым я мог общаться на темы, о наших украинских делах. Его патриотизм граничил с западно-украинским эгоцентризмом, – западные украинцы считают себя святее Папы Римского. Я, все же, пытался ему доходчиво доносить суть восточного украинца, чтоб он мог понять, насколько это важно для судьбы Украины.

Каждый день я старался восстанавливать по одному рассказу с сожженного когда-то архива. Добавляя к этому хотя бы по несколько предложений из глав своей будущей повести.

За очень короткое время я много что восстановил.

Обработав немного рассказ о Лавре, сплавил его в одну редакцию на правом берегу Днепра, в районе Левобережной

станции метро.

Пытаясь понять, что привело меня сюда, я по сто раз на дню перебираю все важные этапы в своей жизни. Это ниже плинтуса, на одном уровне с этими бывшими колхозниками, с которыми я делил свой кров.

Человек привыкает даже к самым диким и мерзким обстоятельствам, свыкается с постоянной реальностью. Как, помнится, одно время мне довелось жить в одном селе на краю географии, под постоянным присмотром местного сексота, который, кровь с носу, через местного прокурора, заразился идеей засадить меня в тюрьму по какому-то сфабрикованному делу. Я привык к этой возне, как и к постоянной слежке за собой. Они организовали на меня такую охоту, что жившие там колхозники считали мою поимку делом скорого времени.

Они создавали прообраз какой-то новой империи, на обломках старой – СССР.

Украина была покрыта густой агентурной паутиной, которую не смогла смести даже «Оранжевая революция». Этот спрут давил все украинское! Меня спасло только чудо. Это чудо – литература!

Я уехал оттуда, будучи в полной уверенности, что нахожусь между жизнью и смертью, и, даже теперь, немного обжившись, я уже начинаю приучать себя к мысли, что здесь все хорошо, что можно трудиться, и, возможно даже, что я преувеличил степень тогдашней опасности.

Я, помню, прожил в подвешенном состоянии тогда не один год, – и могу теперь смело утверждать, что ко всему можно привыкнуть, – и, прежде всего потому, что, это – стиль жизни: человеку всегда есть что терять, даже если терять уже нечего. Существование в такой стране может продлеваться годами; многие жители почившего в бозе «великого» Советского Союза, цепляются за какую-то несущественную мелочь, как бы забывая о своем стоянии в бесконечных очередях за самым необходимым!..

Мы часто обговариваем это с Марией Алексеевной. Но, едва разговор каснется относительно московского патриархата, она накаляется до бела.

– В Храме всех Преподобных Печерских Святых «обновляется» старинная икона Божьей Матери «Троеручечница», – говорит она тоном религиозной фанатички. – Фон на ней постоянно просветляется! Это как, по-твоему?.. А то, что в этом храме расцвела на иконе «Успение Божьей Матери» су-

хая лилия, которая давно лежала под стеклом высохшей...

– Эти фокусы – для религиозных фанатиков, – парирую я.

– А благодатный огонь, который в пасхальные дни без огня зажигают в Иерусалиме православные священники? Ты знаешь, что перед коликвиумом вся комната осматривается! В ней никого не остается! Как ты докажешь это?! – Глаза ее в какой-то момент озаряет свет ее веры.

– Здесь, – говорю я, – Давид Коперфильд отдыхает. Настоящая вера – зиждется на духовном служении. Для этого не обязательно посещать храмы; лучше посидеть над любимой книгой. Это будет полезнее для воспитания любви к ближнему! Мне ли об этом твердить вам, Мария Алексеевна? – Это мои любимые «богохульные» мысли. – Духовное начало в человеке, должна хранить совесть. Совестью российского попа – здесь не обойдешься! Эта совесть – не критерий праведности. Нормальную совесть, надо воспитывать в себе. Эти фокусы, которые показывают попы, рассчитаны только на фанатиков. Какая же это вера? Это – опиум! – твержу я, каждый раз, Марии Алексеевне.

– Тебя держит бес, – говорит она, потеряв надежду хоть как-то повлиять на мою философскую распушенность. – Тебе надо срочно сходить в храм! Исповедаться...

– Тогда я отправлюсь во Владимирский собор! – говорю я. – Там правят попы, которые ближе мне по духу. Они – украинцы...

С Игорем, Мария Алексеевна, подолгу ведет какие-то душевспасительные беседы. Она наставила его на путь истинный: он бросил упиваться алкогольными напитками. Жаль, что на его тумбочке начали появляться какие-то агрессивные воззвания российских церковников.

Я легко припоминаю тот день, когда мы впервые отправились с ним в Лавру.

...Мы отправились в Лавру, начав обходить ее с церкви Всех Святых, построенной в 1698 году при украинском гетмане Мазепе, – этого я не расскажу ему, – занявшись рассмотрением написанных маслом картин, записывая свои наблюдения в блокнот, параметры храма, – пока, Игорь, истово молился. Он словно припал к живительной влаге, и не мог оторвать своих уст от щедрого источника.

Я показывал ему все храмы, которые попадались ему на пути; по возможности рассказывал о них. В, конце концов, я отвел его на могилу, убиенного в Киеве Петра Столы-

пина, останки которого покоятся возле Успенского собора. Убил премьер-министра некто Багров, двойной агент – Германии?.. и, одновременно, царской охранки, – предшественницы небезызвестной ЧК – ОГПУ – МГБ – КГБ – ФСБ.

Германия, якобы, не пожелала видеть Россию могущественной, а царь не желал возвышения самого Петра Аркадьевича Столыпина. Которого ненавидели все: от мнительного сельского кулака, до всесильного батюшки-царя. Увы, такая участь всех реформаторов!

Российская империя выбрала себе иной путь социального развития.

Прогрессивного премьер-министра убили именно в Киеве.

– Это тот самый? Настоящий? – все допрашивается у меня Игорь.

– Тот самый, настоящий, – говорю, – премьер-министр царской России, который проводил необходимые реформы. Он по-своему мечтал увидеть Россию великой державой, и многое делал для этого.

– А почему же тогда его похоронили в Киеве? – Удивля-

ется он

– Потому, что такова была воля самого Столыпина, – отвечаю я. – За ним долго охотились. Премьер-министр завещал быть похороненным там, где его настигнет смерть. Его застрелили здесь, в Киеве. В Оперном театре. В присутствии самого царя!

...Я водил его по пещерам, которые вырыли монахи. Он много молился; ставил, где только можно, свечи. В конце нашей экскурсии, я отправился с ним в церковь Спаса на Берестове. Хотел показать покоящиеся там останки киевского князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы. Но храм, к нашему вящему сожалению, был закрыт на ремонт.

После этого я перестал его водить в Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру. Предпочитая бывать во Владимирском соборе. Игорь искал себе новых поводырей, – но, видать, не нашел...

Я пережил с ним контрреволюционные процессы в нашей политике, когда на целый год власть в стране оказалась в бывшего уголовного преступника, которого навязала нам агентурная сеть кацапо-сексотского подполья; неожиданное освобождение страны от этого плоского режима...

– Сумеет ли мы, Игорь, дождаться с тобою нового освобождения? – продолжает вздыхать Мария Алексеевна.

– Не дождетесь! – говорил я, невольно присутствуя при этом разговоре.

Последнее время, я постоянно читаю Игорю купленные с каждой зарплаты книжки. Обычно, это – Сергей Довлатов.

Игорь З., начал прилично зарабатывать, попав в хорошую бригаду. Мои дела, наоборот, шли по наклонной вниз.

Не взирая на шовинистические взгляды этого разношерстного народа, с которым мне приходилось сталкиваться в этом зловонном месте, я все больше проникался к нему нескрываемой симпатией. Я научился получать определенную радость от общения с такими людьми, даже если наши споры с Марией Алексеевной, например, очень часто переходили в горячие перепалки. Эти люди несли в себе заряд настроений всего постколониального общества, которое сложилось, на то время, в Украине.

Одно время я было попытался было налаживитть связи с профукавшими власть патриотами, – «профессиональными украинцами», – которые, сцепившись меж собою в борьбе за власть, забывали обо всем на свете; варились в собственном

соку. Имея более чем скромные таланты в любых сферах человеческой деятельности, они – априори – не могли повести за собой народ, который по-прежнему контролировали секретные службы (в большей степени российские). Основной производственной деятельностью для всех «профессиональных украинцев» оставалась сфера регенерации ненависти к России (я проникал в эту специфическую среду напыщенных самолюбцев не дальше прихожей «Будынка пысьмэнника», что на Банковой, 2).

Но, что, сам по себе, может стоять политик, который не знает, что такое настоящий жизненный успех? В это трудно поверить, но, глядя на современную политику, я привык видеть, что у кормила страны собрались толпою только те люди, которые не в чем по жизни не проявили себя. Они привыкли действовать стаей, нападая на отбившихся, топя в грязи своих бывших соратников, занимаясь дворцовыми интригами, и по старинной привычке украинских гетманов, до недавнего времени, бегая, в основном, в Москву. С обретением Украиной независимости, география их обивания порогов качественно изменилась.

... Вот наглядное пособие хлипкости украинской независимости: толпы нелепых колхозных алкашей, явившиеся в Киев на заработки из своих Голопуповок и Мухосранска, с которыми я недавно копал целебную глину по всему Киеву,

с которыми я, лоб о лоб, столкнулся здесь, на Выдубичах, – сукиными детьми, – не на секунду не теряли чувства превосходства над патриотами. Кто-то, ведь, поддерживал в них видимость «ничтожности украинской независимости»?..

Собою, своей откровенной наглостью, они навязывали свое пренебрежительное отношение ко всему украинскому. Здесь, как и в себя дома, они пытались ничего не делать. То есть бражничать, болтаться со столицы в село, и из села в Киев, и за это получать еще деньги.

Став невольными свидетелями наших бурных интеллигентских споров с Марией Алексеевной, они не были готовы понять, в чем же соль этих ненужных перепалок, которые ни к чему, казалось бы, не ведут. Для них было однозначно то, что за каждого из них все давно решили. К этому они были приучены в своем селе, теми засекреченными агентами спецслужб.

Созданные патерналистское общества, с поддерживаемой в них верой в строгого и справедливо-добротного отца, служили средой разъедающей как щелочь украинскую независимость!

– Чем, собственно, отличаются все эти церкви? Я, например, не понимаю, – спрашивает кто-то, и объясняет, мне суть

наших споров с Марией Алексеевной, – для меня все церкви одинаковы. Попы, есть попы.

– Да, собственно, не в чем, – говорю я, – одно и то же Средневековье. Если человеку безразлична своя страна, своя собственная перспектива, то ему все безразлично. – Пробую предельно ясно провести черту между навязываемым извне мироощущением чуждой нашему духу церковью и, собственно, государственным мышлением свободного украинца: – Свободный человек должен выбирать себе правильную дорогу!

В ранней юности таких путей больше чем предостаточно. Человек определяясь в лабиринте жизни ежечасно, сам, на основании тех же заложенных в него принципов морали, данных ему от рождения средой, воспитанием, образованием, мироощущением, сам определяет в какой переулок лабиринта ему повернуть в данной ситуации, чтоб поскорее выбраться на сравнительно ровную дорогу, когда нужно, открыв в себе божественное предназначение, отдать себя всего служению делу, своей стране или, наконец-то, своей отчизне... Соизмеряясь с правотой своего мироощущения, можно продолжать долго в том же духе. На перекрестках этих дорог толпятся разные люди, в виде регулировщиков: не только родители с их ненужным советским опытом выживания и шпионы-«святоши» с Лавры, призванные под ружье полити-

кой «средневекового» Московского княжества. Свободному человеку надо все время «шуропить» мозгами, выбирая пути, ведущие к свету.

Если выражаться кратко, в чем же суть тараканьих споров под плинтусом – это: свобода и несвобода!

Помню, было воскресенье, дело шло к десяти часам утра. Я был на кухне, туда зашла Мария Алексеевна, и тут же возник какой-то спор, суть его выветрилась уже, потому что тут же в коридоре возник какой-то тип, и начал упрекать:

– Вы не даете спать! Опять грызетесь! Вот я...сейчас...

– Что ты мне сделаешь? – Спокойно отреагировал я на его агрессивный выпад. – Соображаешь? Посмотри на меня и на себя в зеркало! Половина девятого, пора вставать и шуровать на канаву!

Тот, моментально, сник.

Мое поведение понравилось Марии Алексеевне. Я умел без особых усилий умирять разношерстное племя бывших колхозников.

В день, когда надо было прощаться, Мария Алексеевна

приняла самое деятельное участие в моей дальнейшей судьбе. Она звонила куда-то, доставала телефоны, советовала: как лучше договориться с новым комендантом. Речь шла о возможной аренде комнаты.

– К своим знакомым я не могу тебя посоветовать, – говорила она. – Это такие старушки... Ты с ними обязательно будешь спорить! Ты долго там жить не будешь. – Это было справедливое предположение.

Я же просил ее не беспокоиться. Уж лучше схожу в Спилку письмэнныкив; у них, как будто бы, что-то есть в Ирпене?.. Я мог уже надеяться, написав к тому времени один надежный рассказ о Лавре, который смог бы помочь мне пристроиться?.. Но, пообщавшись на вахте, я понял, что сам закрыл себе дорогу туда.

В этом здании шел какой-то обязательный ремонт. Меня, как автора, я так понял, не только не ждали, но к счастью даже отказались выслушать. Я не стал набиваться, тем более, что в охране мне посоветовали уже съездить в тот же Ирпень и поискать квартиру там, в частном секторе.

Что я, в скорости, не откладывая в долгий ящик, и сделал...

Я проник в этот небольшой уютный городок без всяких протекций и знакомств, сам, по своей воле. Я снял квартиру у хозяйки, в которой мог писать сколько хотел.

Нашел я, как не странно, себе новое место жительства недалеко от Дома творчества их писателей. Нашел без труда, где завершил многое из того, что начал на Выдубичах. Ведь именно здесь я смог в два раза больше времени посвятить своему любимому делу.

Благодаря тому же Окаевичу, через некоторое время я нашел возможность познакомиться с некоторыми аспектами работы спецслужб со своими осведомителями, и чуть было сам не стал активным ее участником, чуть было не наладил на родной фирме сексотскую сеть, благо, находясь на кухне, стал невольным заложником возникшей ситуации. Один колхозник, работавший здесь сварщиком, похвастался мне, что они под носом стащили у нас аж... две трубы. Это, похоже, было на проверку, устраиваемую мне Окаевичем.

Я, несмотря на то, что отвечал только за сохранность печатей, «донес» об этом своему начальнику.

...А через два дня, этих сварщиков настигла «неожиданная проверка», и две недостающих трубы пришлось, как потом выяснилось, возвращать на родную фирму...

Окаевич «решил взять», якобы, «перепугавшегося» сельского алкаша к себе «в оперативную разработку», велел мне «наладить с ним прочную агентурную связь». Парень, вскоре, исчез из моей жизни...

А я стал начальником охраны на данном объекте.

В этот промежуток времени вместились звонок журналиста Ш., из одной редакции, в котором была опубликована версия моего рассказа о Лавре. Они, даже, намеревались принять меня в работники. Этому помешала работа над восстановлением моего писательского архива, которой я был занят в то время. Короче, я рыл землю во всех возможных направлениях, старался быть везде востребованным...

...С выходом очередного Указа президента, Киев заполнили толпы контрреволюционеров...

В это же время, я побывал в Москве.

После недолгого перерыва здесь меня встречал уже совсем другой город, все больше выглядывшей по-домашнему, чем в те, былинные времена Советского Союза.

В Москве было уже много новизны. Она все больше хорохорилась перед всем миром, прочно подсев на газовую и нефтяную иглу. Все яснее проступало желание Москвы восстановиться за любую цену.

От очередного исторического обвала Московского улуса в 1991 году пострадала косматая туша, казалось бы, несокрушимой когда-то Российской империи, здоровый вид которой, раньше обещал многим ее аборигенам, чуть ли не мировое господство, ради которого они согласны были веками держать в черном теле не только себя, но и подвластные им народы. Москва вроде бы и не желала с этим смириться, но ей, просто, указали ту дорогу, по которой пошло все человечество, и ей снова пришлось ложиться в прокрустово ложе современных мировых порядков, которые вроде и не она устанавливала. Она, по-прежнему, мечтала играть роль центра мировой политики, третьим Римом; однако уже не позволяла это делать закомплексованность на собственной отсталости, как и на собственных грехах. Собственная церковь, воскрешенная для этого дела, уже не справлялась с этим делом. Она б и рада в рай, да грехи перед народами не позволяли это сделать.

Оказавшись, чуть ли не на обочине всей цивилизации, Москва лихорадочно искала пути возвращения былой при-

влекательности. Она все больше обращала на себя внимание здоровым румянцем спящей под одеялом нефтедолларов красавицы, теперь уже насильованной жирным и старым, как этот мир, капитализмом; спешила мимо меня на хороших машинах, хорошо питалась...

...Я бродил по ней, ища необходимых редакций, в расплавленном летним зноем воздухе, сиделся на скамейку возле памятника Пушкину. Бродя по Тверской и по Красной площади, заглядывал в какие-то живописные закоулки в центре столицы, подспудно напитываясь там какими-то новыми ошеломляющими впечатлениями, впитывал в память яркие краски и запахи. Я ощупывал взглядом людей, случайно оказавшихся рядом со мной; записывал в память их голоса...

Напыщенный сочными красками Кремль, после того как он перестал для многих в мире считаться «вместилищем зла», стал для меня сразу же каким-то картинно-лубочным, будто декоративным. Вся его сказочная пестрота, теперь напоминала мне страницы из многих русских народных сказок, где есть глуповатые цари, живущих в таких же теремах, которые выдавали своих прекрасных дочерей замуж за настоящих Иванушек-дурачков.

Для России персона Дурака, такая же востребованная ис-

торическая необходимость, как и тот же царь, или преступник-тять... Как-то на задний план сразу же уходит простой народ. Вспомнить хотя бы историю с Василием Блаженным и грозным царем Иваном IV... Чудный своими завитушками собор называемым в народе в честь этого блаженного, – самый прекрасный памятник образу народного любимца! Он, оказывается, был посредником между царем и народом. Так создавались сказки... Нынешним владельцам, наверное, все же скучно сидеть теперь в этих хоромах, зная какие дела вершились здесь еще не так давно...

...Мавзолей... Спасская башня... Фотографируюсь на их фоне...

«А я иду, шагаю по Москве», и запоминаю все для этого рассказа!

Про себя отмечаю в ней большие изменения, которые мне, как украинцу, сделали этот город окончательно чуждым, хоть это всегда было так, если смотреть прямо исторической правде в глаза, но теперь эти различия прямо лезли в глаза со всех имеющихся щелей.

Мы все дальше и дальше уходим друг от друга, мой народ и она, – я, и та же Москва. Случайно попав в ее плоть, как заноза, я уже начинаю оценивать ее как бы со стороны, ана-

лизировать происходящие в ней процессы, являясь для ее духа, как бы инородным сгустком энергии. Меня уже не впечатляет амбициозный аляповидный памятник маршалу Жукову, возведенный перед Красной площадью, который вписал одну из главных страниц во второй мировой войне, но и стал на ней одним из олицетворений смерти и жестокости по отношению к своим подчиненным.

Меня больше впечатляют памятники Пушкину и Маяковскому, и даже князю Юрию Долгорукому на Тверской улице, куда я забрел в этой знойный летний день конца июня 2007 года...

В тот же день, я вернулся в обживаемый мною Киев.

Вернувшись из Москвы, я, на какое-то время, забрасываю свое писательство; компьютер без дела пылится на столе в общежитии. Я брожу вдоль отводного канала, пытаюсь осмысливать прожитый год в столице, постепенно выкристаллизовываю форму этих рассказов.

Сидя под узорчатой сенью деревьев, – в прилегающей к каналу зеленой зоне, – я, иногда, беру припасенную бутылочку вина, и, уединившись с нею в тиши тенистых чащ, потребляю его малыми дозами, – и тогда мое сидение здесь приобретает еще и практический смысл: я прикармливаю ко-

маров, убиваю их и скармливаю слизням. Обдумывая литературные планы, я неизбежно впадаю в юношескую мечтательность...

... Тогда я звоню в Москву, в редакцию. Мне обещали там что-то напечатать, потом не обещали, и снова обещали...

Скоро прокатилась волна слухов о возможной эвакуации нашего общежития. «Киевэнерго», которому принадлежало оно, якобы, отказалось подписывать новый договор. Эти слухи, как и все неприятное, я знал, имеют нежелательную тенденцию сбываться. Наружу всплыли казармы на 24 километре Житомирской трасы, которые мне приходилось охранять ушедшей осенью. Начались муссироваться слухи, о нашей возможной передислокации туда. По этому поводу начали отпускать шуточки: дескать, вместо дежурных на этажах, у нас появятся дневальные, а по всему периметру поставят часовых на вышках. Все эти слухи еще не раз поменялись. Выяснилось, что фирма переводит свое общежитие в Пуцу Водицу, и в нем не остается места для меня. Как и для Марии Алексеевны, которую тоже оставили без работы.

Снова надобно было заботиться о хлебе насущном, о новой крыше над головой.

Заканчивалось самое долгое, и безмятежное лето, 2007

года...

В ближайшее воскресенье я отправился в ближайший пригород Киева, – в Ирпень, – и снял там квартиру.

Мне пришлось интенсивно подыскивать себе новую работу; побывать на складах пивной компании «Оболонь», что недалеко от протекающего отводного канала. Там, под началом бывшего милиционера, – высокого, крепкого с виду мужика, по прозвищу «Маклаут» (Горец), – быстро вникну в заведенные порядки, позволяющие воровать самим же охранникам. Охранники были б не они, если б не защищали свое место под солнцем от таких кадров, как я. Бывшим колхозникам и на этот раз удалось отстоять свое право воровать, в так называемом «Правом складе» алкогольные напитки, где, прячась по углам от размещенных по периметру камер наблюдения, они имели дополнительную возможность напиться «за счет заведения».

Принципиально не пьющий на работе, я, отработав единственную смену, ушел с этого места, сославшись на невозможность трудиться, одновременно, на двух работах.

...Я мало, что могу добавить до того, что уже знаю, и что втиснул в эти рассказы о Киеве. Это были мои самые первые впечатления – самые сильные...

Главное, что я сумел сберечь в своем сердце о неподдельное юношеское влечение познавать окружающий мир, узнавать постоянно что-то новое для себя; заставлять свою душу трудиться еще с большим энтузиазмом.

Я всегда рассматриваю этот древний город таким, каким он есть на самом деле, который я полюбил всем сердцем, так как испытываю к нему свой неподдельный творческий интерес. Киев очень красивый и величественный город, мать городов русских, второй Иерусалим, возвышающийся на высоких днепровских кручах, с гордо поднятою головою – устремивший свой взгляд через века в свое прекрасное будущее. Слава европейской державы, какой была в свое время Русь (Киевская), дала ему такой мощный толчок, в свое время, что остановить историческую поступь Украины в глубь веков, уже не смогут никакие препятствия его врагов.

8 –18 мая 2008 года

... А в Киеве была весна.

Эта весна началась внезапно.

Уже в середине февраля, в самом начале одного достаточно грязненького февральского вечера, ко мне неожиданно позвонил с редакции Юрий Ш.,

Журналист сообщил мне, что он прочёл мой рассказ о Лавре – и нашел его достаточно хорошим, но они не могут печатать, ибо он большой, поэтому он его отправит в Интернет. После чего в нашем разговоре еще некоторое время продолжалась какая-то улыбчивая дребедень. Смысл ее сводился к тому, что меня не прочь бы увидеть в штате их редакции...

Короче, он меня заинтриговал. Я попросил его лишь повременить до конца апреля, так как был очень занят написанием двух романов, и эту кропотливую работу не хотел прерывать. Разговор льстил моему самолюбию. Мне было лестно слушать, что мой рассказ о Лавре им, там, в редакции, очень понравился.

Я начал строить обширные планы на весну. Обычно я строю свои планы зимою, когда много работаю. Весною – все обновляется и сама жизнь обновляется. Мне, кажется тогда, что весною я сам обновляюсь.

Потом я неоднократно вношу свои коррективы в эти планы; ближе к лету я их кардинально пересматриваю, осенью – начинаю работать; писать. Но, с годами, мне все тяжелее строить эти радужные планы и все легче и легче становится писать. Пожалуй, что скоро я совсем перестану строить планы...

... Я написал этот рассказ о Лавре осенью, в сентябре. Когда сел за клавиатуру компьютера – впервые с тех пор, после того, как сжег все. (Огонь в моей печке горел много часов).

Над рассказом я трудился целую неделю – по субботам и воскресеньям, перед работой и после; писал в «Матрице», в подвальном помещении на Шота Руставели, в тамошнем Интернет – клубе. За это время на деревьях пожухли и начали опадать пожелтевшие листья.

Падали, с треском разбивая об асфальт ржавую кожуру с ложными шипами каштаны, из которой вылетали гладкие коричневые плоды...

...Это случилось до того, как я по дешевке приобрел себе друга. Друга, который никогда не предает. Это был старенький подержанный ноутбук «Сименс» – «Симон», – как его называли продвинутые ребята из Интернет – клуба в «Метрограде» под Бессарабской площадью, куда я носил его настраивать, когда он однажды завис, очевидно, от моего неумелого обращения. После этой обязательной покупки, дела мои в литературе заметно продвинулись. Я быстро восстановил многое из того, что потерял, казалось бы, навсегда. За короткое время у этого рассказа появились новые братики и сестрички. Но тот, о Лавре, был мой первенец...

...Я отнес этот рассказ в редакцию в самом начале декабря. Я уже считал эту рукопись навсегда утерянной, когда тем февральским вечером о ней напомнил звонок по мобильному телефону. Это все равно, что потерять что-то ценное, – а

потом неожиданно найти его у себя дома. Я отнесся к этому случаю, как данному свыше знаку.

«Видно, что весна моего обновления в этом году – начнется немножко раньше» – подумал я, и еще больше налёг на клавиатуру своего «Симона».

Весною появился указ о роспуске парламента. Указ ожидали многие, кому была дорога эта страна. Ситуация была такой, что с каждым днем ситуация усугублялась, с тела государства выветривался его национальный дух. Оставалась тяжелая оболочка, сотканная из обветшалых советских мифов. Все украинское прицельно унижалось, а здоровое – предавалось остракизму. Так называемая «коалиция» создавала атмосферу скорого реванша; страну готовили к чему-то нехорошему. После выхода этого указа интрига, в которой была невольно замешана вся страна, ее народ, его будущее, нашло продолжение в бесконечных митингах. На улицы Киева потащились колонны «коалиционеров». Их подвозили сюда на автобусах и поездах. Они брели на Крещатик под бело-синими знаменами; с котомками и стульчиками. Брели неровными рядами; как бредут военнопленные. На Майдане с трибун перед ними выступали вожди. По их замыслу было видно, что через Майдан они хотят «пропустить» как можно больше народа. Они этого не скрывали

...Блуждая по Киеву, я видел эти толпы изнеможенных на изнывающей жаре людей, живущих в палатках в Мариин-

ском парке и Крещатике; терпеливо выстаивающих под жгучим солнцем на Великом Майдане. Им, видать, неплохо платили. Купленные за деньги олигархов люди из провинции приезжали сюда на заработки.

От них оставались кучи разного дерьма. Мне не нравилась их уверенность в собственной уверенности. Мне не нравились косноязычные речи их вождей, ежедневно выплескиваемых в микрофоны на головы этих политических туристов.

...Я выходил на станции «Золотые ворота», – шествовал по Владимирской, – гордо пронося тело мимо святой Софии, глядя на ее до половины золоченые купола, – доходил до Андреевской церкви – откуда через Десятинную улицу, – поворачивал мимо Министерства Иностранных дел... Мимо Михайловского Золотоверхого, выходил на Владимирскую горку, – откуда через многолюдный в эти дни Крещатик, через Бессарабку, по Шота Руставели, – добирался до синагоги, садился на «Палаце спорта» в метро...

Это был в то время единственный – долгое время неменяемый маршрут. На Майдане я затевал споры с «коалициантами» и коммунистами. Взрыв ситуации, которую они считали выигрышной, поверг их в мучительное раздумья и ретивое отстаивание однажды завоеванного жизненного пространства. Это были определенные люди, которым нужна была другая Украина. Они стояли под своими вылинялыми знаменами, бывшие ответственные работники, а ныне хорошо оплачиваемые пенсионеры, отчаявшиеся дожидаться

«светлого прошлого» ...

...Иногда я заходил к художникам. Они живут своим ремеслом на Андреевском спуске.

Я нашел это место на исходе прошлого лета.

Чего там только не увидишь? Матрешки с нетленными образами Ленина и Сталина... Гетьманские булавы. Красноармейские буденовки и армейские шапки. Разная мишура. Флаги, футболки, шаровары...

На футболках есть исторические надписи: «Спасибо, тоби Боже, що я не москаль!».

Спасибо...

Возле памятника незабываемым Проне Прокоповной и Свириду Петровичу Голохвастову, с знаменитых «За двумя зайцами», постоянно фотографируются.

У подножья лестницы ведущей к Андреевской церкви играет свои думы усатый кобзарь.

Здесь же, на скамейке под липами, напротив непревзойденного шедевра Растрелли, я часто вижу одного и того же бомжа. Я застаю его за одним и тем же занятием: он достает из сумки старые глянцевые журналы и ставит на каждой странице галочку. Галочки парят над буквами и картинками, как чайки над волнами. Он в кожаной куртке; на голове его шапка; борода. Ему лет 40.

На этот раз, я вижу, он держал в руках газету с невянувшим названием: «Комсомольская правда». В заголовке: он и

я читаем: «Что будет с ценами в мае?». Теперь он напоминает мне странствующего мыслителя; может Сковороду...

Я начинаю расспрашивать его. Он молчит; только смотрит. Я меняю тему, и говорю ему, что я художник, хочу с него писать странствующего философа. Его взгляд теплеет; он начинает говорить мне о шотландцах в килтах, которые приезжали на футбол. Потом завел разговор о компьютерах!!!

– Где ты живешь? – Спрашиваю.

– В Михайловском.

– В Михайловском, – говорю, – живет брат президента – Петр... Ты случайно: не его родственник?

– Нет. – Смеется.

– Жаль, – говорю.

...И вот здесь, среди этой колоритной лубковой праздничности, среди всего этого фиглярства и старины, матрешечной нарядности, – нашли себе укромное местечко художники. Став, самым дорогим украшением Андреевского спуска; его неизменным антуражем...

Вдоль днепровского склона, почти до самого Фуникулера, по обе стороны как бы улицы, были развешаны их намазанные на холсты шедевры. Мне казалось, что в меня входит какая-то новая энергетика. Возможно, что там не было никакой энергетики, что тогда в меня входила только энергетика той неповторимой осени; впечатления от которой останутся во мне навсегда, станут сырьем для моего рассказа. Ко-

гда с разлогих кленов на мокрый асфальт ниспадали желтые листья, создавая атмосферу воздушной невесомости; тихого уютного гнездышка, которое свили здесь себе художники.

Для меня тогда это было: самым уютным местом в Киеве. Я вдыхал здесь пьянящие запахи осени. Буйство ее красок, оценивал наравне с картинами художников, выставленными здесь на продаж. Мне кажется, что время, прожитое там, не входит в строки жизни. Об этом я говорю своему хорошему знакомому, художнику и поэту Василию Федоровичу. Друзья называют его «Цианистым калием». Очевидно за то, что похоронил двух жен, и живет с третьей. У него четверо детей. Он поэт, как и многие здесь. Богема наложила не него свой неповторимый шарм, в душе, мне кажется, это добрый слегка застенчивый человек, который выставляет здесь свои стаканы и стаканчики. Свои шедевры он подписывает громкими именами: «Тайная вечеря», «Любовь», «Президент». Он огорошил меня тем, что при первом знакомстве, признался, что он дальтоник.

– Я дальтоник. Я не различаю цветов, – сказал он всерьез. Только глаза выдавали глубоко сидящую в нем иронию.

Потом мы пили водку, сидя на склоне Днепра за карикатурным памятником Шевченко. Он подарил мне четыре своих шедевра.

– Куда я повешу их? – Спросил я. – Я живу в общежитии. У меня нет ни одной стены.

– Ну, найдешь место, – сказал он, уклончиво.

Чтоб отблагодарить его за «картины», я пригласил его в кафе. Я купил бутылку «Хортыци».

Я спросил у него:

– Можно ли научиться писать картины?

– Так вот зачем ты меня сюда привел? – спросил он, и сделал понимающий вид.

Потом глаза его закрылись, и он окончательно вырубился.

Мы тащили его с барменшей по крутым ступенькам лестницы, ведущей из полуподвального кафе. Несмотря на свой небольшой рост, художник оказался тяжелым дядькой. Мы посадили его на асфальт, прислонив спиной к стене. Над домами, как раз, взгромоздилась луна, брызгая серебряным светом. Василий Федорович стал похожим на человека, присевшего отдохнуть. Хотя дыхания не было видно. Рядом с ним, положили ящик с картинками.

Я очень торопился в общежитие, намереваясь успеть до закрытия...

Через неделю я встретил его друзей художников. Я спросил в первую очередь о Василии Федоровиче:

– Жив ли, он? – Я рассказал им, в каком состоянии оставил я его возле кафе.

– А что с ним случится. Разве это впервые! Уже на следующий день продавал свои картины. – Был ответ.

Я иногда еще встречаюсь с ним. Он показывает мне свои стихи. Он пишет о водке. Он не закрытая страница моих впечатлений...

Потом – снова звонок журналиста...

Они напечатали в газете какую-то нелепую переделку моего рассказа о Лавре. Я невольно стал продолжением той оголтелой лжи, которую распространяли в Украине приверженцы «русского мира» о своей церкви, о «московском патриархате». В редакции не рассмотрели во мне правдивого сказателя.

Мы договорились о новой встрече. Журналист просил принести мне план: о чем бы я хотел писать для их газеты.

...Я ждал его на выходе из станции «Печерская», напротив Центризбиркома. Смотрел на толпы «коалициантов»...

Для них играла советская музыка; бурлили в мегафон речи заигранные шпионы и подстрекатели.

В скором времени, подошел журналист. Им оказался молодой и достаточно упитанный человек: с мягкой и рыжей бородой. Он взялся нахваливать напечатанный у них «мой» рассказ о Лавре. В его словах, я уловил четкую интонацию самодовольства (очевидно насилие текста не обошлось без его участия). Возможно, что процесс изнасилования был групповым. Появилось ощущение скверны на душе.

– Это не мой рассказ. Это какое-то крошево из моего рассказа, – сказал я.

– Мы не могли напечатать все. Нельзя печатать то, что в Лавре живут женщины. С твоего рассказа выходит, что там, где деньги – там и женщины, – сказал журналист.

– И чем больше денег, – тем они красивее и породистее, – уточнил я: – Я жил в Лавре. Рядом с нашей кельей жила какая-то пожилая женщина. К тому же Лавру посещает много паломниц.

– Нас могут затаскать за это по судам! – возразил он.

– Это же литература, – сказал я. – Даже во времена средневекового мракобесия, пишущие люди делали свое благое дело. Не только изобличали лжецов, но и призывали других говорить правду, несмотря на тяжелые последствия.

«Это время похуже будет». – Эту фразу он не сказал, хотя она и очень напрашивалась.

Потом он перечитал мои опубликованные рассказы, благо их было немного.

– Ты настоящий писатель! – похвалил журналист.

....А потом в Киев явилась настоящая весна. Распустились белые соцветья каштанов, и Киев снова превратился в сказочный город. Киев стал походить на небесный град, на бесценное сокровище, хоть возьми, и укради его, вместе с золотоверхими храмами, ультрасовременными постройками, восхитительной древностью и потрясающими видами с высоких днепровских круч.

Несмотря на тот смрад, который исходил от митингующих «коалициантов». С примесью мыслей о том, что это дерьмо к светлому лику столицы никогда не пристанет.

...Потом я ездил на могилу нашего великого Тараса Гри-

горьевича Шевченко, – нашего пророка и гения (меня про-
сил журналист).

Я же ездил туда по зову своего сердца. Я давно хотел по-
ехать на эту могилу.

В Канев, я отправился от Контрактовой площади, что на
Подоле, «грачом».

...По дороге, видел обильные украинские поля. Это были
кем-то ухоженные поля, с яркими сочными красками – зеле-
ные озимых и желтые соцветья репака. А над ними – глубо-
кое синее небо...

Канев был по-своему очень уютный, красивый городок;
со своим провинциальным шармом. На его улицах ровными
рядами цвели каштаны. Я бы долго мог восторгаться этой
весенней напыщенностью, подводило качество дорог.

На небольшом рынке торговли продавали вяленую и коп-
ченую днепровскую рыбу. Большие копченые лещи лежали
запросто так; и каждый желающий мог их купить. Здесь же
лежало сало и домашняя колбаса.

Я ехал на могилу Кобзаря в тряском бусике. Местные жен-
щины судачили о дачных участках. Мне не передавалось их
весеннее настроение. Может потому, что я настроил себя на
более высокий лад – на встречу с духом великого Поэта.

...Под горою, возле административных построек, стоял
автобус. В него грузили вещи какой-то экспозиции.

Помню, что представился «корреспондентом» и «воль-
ным художником».

Женщина, назвавшая себя научным сотрудником, стала набивать карманы мне газетами и буклетами их предстоящей выставки. Очень сетовала на то обстоятельство, что она должна торопиться, и, собственно, не сможет уделить мне надлежащего внимания:

– Сьогодні понєдилок. У нас вихідний. Выбачаюсь, алє я змушєна тєбє польшыты. У нас выставка. Мы дужє спишым...

...Потом я подымался на гору. Испытал, наверное, все те же светлые чувства, которые испытывает там в своей душе каждый украинец.

Я не стал углубляться в состояние своей души. Я написал новеллу о том, что лежало в памяти; лежало давно неостребованным грузом. У нас в селе жил Валерик Ж., который давно уже помер. На момент смерти, ему было 92 года. Чуть снег с земли, он ходил босой, живя в полуразрушенной хате, в центре села. Хотя им же, зачем-то, была приобретена новая добротная хата.

Однажды мой отец пригласил его заколоть поросю. Управившись с работой, мужики выпили, стали разговаривать. Валерик начал рассказывать о волках. В этот момент он и сам был похож на волка – одинокого, страшного. Многие побаивались его в селе. В молодости он, говорят, настоящим бандитом был. Я помню только, что он воровал возле клуба велосипеда.

Увидев в отца «Кобзарь». Он стал наизусть читать стихи

Шевченко. Читал вдохновенно, вперя в пространство пылающий взгляд, он угрожал кому-то поднятым кверху пальцем. В тот момент он преобразился, выглядел настоящим бунтарем. Поэзия сделала его таким. Кто б мог подумать?

...Потом журналист опять вызвал меня к себе...

...Мы сидели в его маленькой квартирке, где-то в районе улицы Щорса. Дверь балкона открыта настежь, и теплый весенний ветерок нес прохладу в заваленную книжной продукцией комнатушку...

Журналист долго возился с моим компьютером; что-то у него не выходило. Он начал скачивать мои файлы...

...Потом я навсегда потерял его след...

... Я понял, что киевская весна закончилась. Самое время писать новый рассказ.

14 – 18 июня 2007 года.

Противостояние

Александр Пышненко

1

Отношения, со своим старшим братом, я вынужден буду рассматривать через призму социального противостояния.

Во все критические моменты, возникающие в насыщенной событиями жизни, мой, старший на восемь лет брат, Юра, предприимчиво, занимал сторону моих недоброжелателей (это еще мягко выражаясь).

Визуально, мой братец выглядит пожиже моего (весьщего центнер с гаком), – сказывается то обстоятельство, что у нас были совершенно разные отцы. Несмотря на свою физическую хлипкость, брат не упустил не единой возможности, улучшить свой социальный вес, если дело касалось моего унижения. Очевидность того, что кто-то в селе, был постоянно заинтересован в этом, мотивируя его прилежание.

В свое время, он заочно окончил Сумской педагогический институт имени Макаренко, уже имея, на то время, диплом Конотопского индустриально-педагогического техникума.

Помимо преподавания каких-то второстепенных предметов в школе, – он содержал достаточно крупное, – по меркам убитого (колхозом) села, – натуральное хозяйство; настойчиво продвигаясь к взлелеянному в мыслях благосостоянию. Он возился с крупным рогатым скотом; обрабатывал землю примитивными сельскохозяйственными приспособлениями; завел неплохую пасеку. Со временем – обзавелся, даже, круглой фермерской печаткой.

В это же время, кто-то (что-то?) надоумил(о) его вести себя со мною так, словно мы реинкарнировались в пределах XVII – XIX веков, – я был его крепостным, а он – моим помещиком. Со стороны, это смахивало, понимаю, на какую-то заигранную (мело)драму. Колхозные утырки, думаю, наблюдая всю эту возню, всячески поощряли его способность: превратить обычную родственную связь, в преднамеренное противостояние.

Никакой классовой враждебности, я к нему не испытывал, относясь, скорее всего, ко всем этим ролевым играм, как к непреднамеренному шутовству в театре абсурда. В своих мыслях, я давно уже отправил всех этих надзирателей за дальний лес.

И жил, со своей матерью, на другом конце села, не ставя ей в вину очевидного факта, что она наградила меня таким братцем. Я занимался своими рассказами, которые удавалось-таки печатать в киевских газетах; набивая первые синяки на литературном поприще. Пытаясь, поначалу, искать способы войти в доверие к киевским снобам; стойко переживал предвзятое к себе отношение. По надуманному мнению, сельский человек не сможет, априори, без специального диплома, без участия маститых литераторов, развить в себе литературный (божий) дар. Это, крайне, ошибочное мнение.

Преобладало внутреннее настроение, что я, изначально, не ожидал к себе иного отношения. Сельское происхождение, не подразумевало легких путей к достижениям выстраданных целей. У обладателя достаточной силой воли, возникла неодолимая жажда учиться: преодолевать всевозможные трудности, совершенствовать свой внутренний мир. Заточивая свой разум на творческих делах, можно было превращать жизненный опыт в литературный стиль, проявляя – при этом – завидную настойчивость в создании личного, творческого пространства.

Необходимо оговориться, что больше всего времени в этом противостоянии – приходилось отдавать трудам праведным на обширном приусадебном участке.

Выращивать приходилось все: клубнику, картофель, капусту, огурцы, свеклу, лук, помидоры.

Львиная доля урожая – уходила на рынок в Конотоп и заезжим торговцам из Донбасса. Что позволяло, мне с матерью, учитывая ее неплохую учительскую пенсию, в материальном плане, полностью сводить концы с концами, даже в самые трудные годы, становления украинской государственности.

Отцовский сад, послужил нам надежным подспорьем. Об

этом замечательном саде, мне удалось, тиснуть-таки сносный рассказец, в одной из гебэшных газет, в 1999 году, претендующей на вечно вакантную роль: самого интеллектуального издания в Украине. Спецслужбам нравится заигрывать с творческой интеллигенцией, повышая собственное самомнение. Служивые, в моем случае, не разобрались в авторстве, повелись на новизну, не пробив по своим каналам у местного авторитета, как он относиться к моему писательству, чем сильно уронили ему, и многим, свойственное им, напыщенное достоинство.

Часто, Юра звал меня в помощь, чтоб управиться с его работами, на что я, вначале, по-братски откликнулся, все еще пытаясь сохранять подобие определенных родственных отношений.

Это разделило мой срок, пребывания в этом селе, ровно наполовину. Единственный случай испортил все эти натянутые отношения – он продал, за небольшую плату, имеющийся у него шифер, типичному украинскому мафиози и сексоту Бар...кову, – местному «дону Карлеоне». В то время, как я с матерью, очень нуждался в кровельном материале.

Брат пригрозил мне, что не станет кормить меня, когда мать помрет, и я, обязательно, пропаду с голоду.

Оставалось – не заострять внимание, на словах болезненного. Пришлось расценивать его выступление, как некий клинический случай, рассчитанный на уши заинтересованных зомби. Избавившись от всего духовного, колхозники, передали свои физические оболочки – местным правителям... так легче было выживать в условиях колхозного гетто.

У попавшего под пресс начальника, не оставалось никаких шансов. Люди превратились в собственность коррумпированных чиновников. Дошло до абсурда: лечение – как сто, и двести, и триста лет назад – у ворожей.

Все, что творилось под Конотопом тогда, очевидно, существует до сих пор в каких-то более извращенных формах. В качестве заступника у бога, отравившиеся имперским смрадом «московского патриархата», определили населению «Святого», беспощадного ордынского наместника Неврюя (Александра Невского). На выборах, это постоянно выливается в ненависть к украинской независимости – «голосуют» только за ее врагов!..

Юра купался в сплетнях, которые приносили ему потерявшие разум старухи, греясь в его жарко натопленной хате. Они восхваляли его прилежание. Это было похоже на самолюбование в лучах неожиданно нагрянувшей славы; ему, очевидно, казалось в те дни, что он, наконец-то, поймал бога

за бороду.

Показательно, что среди завсегдатаев этих посиделок, была, некая Дав...на, в историческом плане, фигура в чем-то даже примечательная для всякого украинского села: сексуально, обслуживающая колхозных руководителей, включая в это число и представителей Третьего рейха. За что взыскала себе определенный авторитет у мужской половины села.

Брат, несомненно, принимал близко к сердцу слова этих безобразных старух. Со мной, он считал, скоро будет покончено. Мне приходилось очень сильно экономить топливо.

Парадокс, но вокруг моей хаты росло много деревьев, которые я мог бы превратить в дрова. Но, – чиновники отыскали в законодательстве закон: запрещающий это сделать. Более того, местные сексоты выкраивали себе участки с моими деревьями, которые взрастил мой отец.

За спиленные мною березы, прокуратурой был подготовлен многотысячный иск от имени украинского государства! Судья Кущенко, склонившись над прокурорским иском, долго сетовал на Уголовный кодекс, что для уголовного преследования, не хватило совсем незначительной суммы принесенного «ущерба». За свои же деревья, я обязан был уплатить по решению суда, всего лишь значительный штраф. Ли-

целмеры, которые опустошили в округе многие леса (без ощутимой пользы государству), достали меня, сдирая три шкуры, за три спиленные березы. Леса выпиливались в пользу местных сексотов, чтоб они подняли, зажиточностью, свой авторитет в глазах местных зомби.

Я всегда был настроен патриотично по отношению к Украине. Отчего, этот приговор – воспринимался мною болезненно... вдвойне.

Конформистская позиция моего братца с властью, тоже не удивила меня. В эти дни, наши расхождения с ним измерялись в парсеках, как между Солнцем и Альфой Центавры.

Мои шаги в литературе, в это время, становились все тверже, несмотря на все эти перипетии. Я, еще, пытался хоть что-то вырвать из существующих только на бумаге льгот для своей матери, оббивая пороги судов и прокуратур. Этими льготами пользовались все приближенные к власти холуи, кроме их владелицы, получая за нее качественное топливо, как бы в насмешку, что ей холодно в плохо натопленной хате.

Постепенно, я проникал в этот замшелый коррумпированный мирок. Изучая его чисто империческим путем, как некий коррупционный механизм. Профессура, правда, в помощь мне, подобралась специфическая, в чем-то, даже, не

лишенная определенных дарований. Они внушали мне, что для них законы не писаны; людей, почитали – за мусор; жить приучали по законам их волчьей стаи. Они почитали себя здесь небожителями; устраивали царские охоты в отъезжих лесах.

Эта власть, возглавляемая кровавым Кучмой, планомерно превращала Украину в «окраину» возрождаемой Российской империи, в свою вотчину; создавая механизм такой власти, при котором, любое отклонение от курса воссоединения с бывшей метрополией, создавало ситуацию социального взрыва, аннексий, сокращения территорий, вплоть, до окончательной потери суверенитета.

Двоюродная сестрица, получившая в пользование обширные склады на предприятии «Авиакон», – производящих ремонт российских вертолетов, – заняла заметное место в когорте этой слипающейся, коррумпированной, фронды. До этого, она упорно строчила на меня доносы, как, собственно, и ее мать (тетка); очевидно, также, и на работников военного предприятия. Обычная карьера совкового рабочего, избравшего стезю стукача.

Блудливой Моне удалось прибрать в свои руки материну часть нашей общей хаты, – уютный кусочек нашего детства. Не даром мне угрожала, что отправит меня в тюрьму. Она

решила, что звездный час пробил, и пришло время поквитаться со мною.

Так обозначалась фабула будущего романа: «Трепанация ненависти». Эта работа требовала абсолютного терпения, и более десяти лет трудов праведных. Начинать тюремные главы, желая не появилось; пришлось, срочно, бросать все «нажитое непосильным трудом».

Накануне, я застал всю эту камарилью в прибрежных кустах за Сеймом, во главе с районным прокурором Мухой.

Мне подумалось тогда, что: «Бог не выдаст, – свинья не съест», – однако не стоит, и дальше, испытывать Его терпение.

Что помогло мне выжить в этой борьбе? Духовный ангел хранитель? Провидение? Абсолютная энергетическая субстанция – Космический Разум?

Внутриродовое противостояние приобретало какие-то новые, замысловатые очертания. Брат оказался на стороне двоюродной сестрицы. Если ее когда-нибудь арестуют, как российского шпиона, я совсем не удивлюсь. Пока же, лубянская крыса, опускала коррумпированный Конотоп еще глубже в гиену огненную коррупции (так ему и надо!): поку-

пала себе квартиры, изделия советского автопрома, в виде подержанных «Жигулей». Обзавелась новым мужем (старый – проживал рядом, со старшей дочерью).

Двоюродная сестра обеспечила неплохое юридическое образование сыну и благословила его на брак с внучкой местного альфа-сексота. Очевидно, надеясь, в обозримом будущем, в безобразных судах Конотопа, сыскать место для применения открывшимся возможностям.

До моей ретирады, над моей только что перекрытой шифером крышей, какое-то время, даже, барражировал отремонтированный на «Авиаконе» военный вертолет.

Поселенный по соседству «стукачок», в отжатом сельсоветовском доме, которого, устраивались сексуальные оргии, однажды, приволок ко мне пилота, Вадима. В синем, рабочем комбинезончике, этот летун, сильно смахивал на советское резиновое изделие №2.

Тогда же, «под видом рыбака», ко мне домой, зачастил бандит из Центрального рынка, предложивший выкупить материну часть хаты.

В конце концов, я продал половинку материнной хаты. Уже участились бандитские нападения, обстрелы и разбой...

Пригнали банду какого-то «Клима». Эти бандиты были вооружены ружьями; стреляли по крыше, по мне и по матери.

После каждой «акции устрашения», зондеркоманда состоящая из четырех конотопских гопников, «накрывала поляну» на виду под моими окнами, закатывая свой «пир на весь мир».

В последний раз, явились уже совсем какие-то татуированные рецидивисты.

Безоружному, мне, было больно видеть, как страдает моя мать – бывшая учительница.

Мать, с большим трудом, передвигалась по хате и слабо видела.

После попытки фальсификации уголовного дела и поражения «Оранжевой» революции (я был непосредственным ее участником), после появления татуированных гопников, я – бросив около пятнадцати соток элитного сорта клубники, – отправился «в бега».

Одну из последних ночей, опасаясь очередного нападения

бандитов, мне пришлось ночевать у своего брата. Он превратил это в ночь торжества своих идей. Мне сильному, патриотически настроенному, гражданину своей страны, давно привыкшему жить трудами рук своих на своем клочке земли, пришлось покинуть милые приделы своей малой родины. Лицо брата выражало определенную степень внутреннего блаженства: он надавал мне изрядное количество «умных» дельных советов: как подобало себя вести.

...Целый год, я провел на стройке в Тюмени, после чего отправился в Киев...

2

Вернулся я в это село только через семь лет, чтоб похоронить мать.

Мать умерла в 2011 году, в июле месяце, при избранном в президенты гражданине Януковиче, – откровенном российском шпионе, – призванном обеспечить «поглощение» Украины, Российской федерацией, по проекту: «Таможенный союз».

В селе, активизировались действия пророссийской аген-

туры. Кое-где, в щелях заборов, провокационно торчали голубые флажки победителей – агентов российского влияния, прятавшихся под вывеской «Партии регионов». В захвате власти, чувствовалась особая заслуга местного мафиозного сексота Бар...ва. Дон Карлеоне, примерно, «муштровал» свою агентуру.

Мы добирались из Конотопа на такси, с племянником Женей. Доставили, в багажнике, продукты на похороны.

Во дворе брата всеми делами «заправляла» двоюродная сестра, Мона (детское прозвище), которой помогала супруга заигранного киевского сексота. Это была настоящая вражеская спайка, в которой нетрудно было подметить неприятный подвох: вроде бы, кроме этих, некому было управиться.

Киевский сексот, преподаватель «Политехники», и его побратим (инженер из какого-то военного завода), сын которого, прислуживался режиму диктором Першого украинского канала, одновременно поселились в заброшенном селе. Они синхронно приобретали, в начале 90-х, по бунгало, потом, по мере возрастания возможностей, планомерно расширяли свои владения. Скоро, оба хозяйства, как раковая опухоль, покрыли почти весь сельский Выгон. Физиономия диктора Т., – уже давно не помещалась на лобовом стекле автомобиля, не то на телеэкране. Бродили упорные слухи,

что в диктора возникли серьезные проблемы на телевидении из-за сильно раскормленной репы.

Обратно пришлось выбираться в маршрутном автобусе, в обществе каких-то подозрительных чернобыльцев и колхозных лодырей. Обычных сельских алкашей.

Сборище спившегося отребья выглядело, словно «экипаж машины боевой», или «подводной лодки в степях Украины». Украинские ватники, представляли собою, набор определенных функций, отслужившего государственного механизма, рухнувшего в историческое небытие – Советского Союза.

Это они составляют «общество», от имени которого местный клан, управляет земельными угодьями, – поделив их на пай, – сдавая в аренду каким-то сельскохозяйственным структурам. В случае восстановления военной экономики: земля, – подсказывает мне интуиция, – снова вернется в колхозы.

Я с трудом представляю, как мне удавалось прожить в этом бедламе больше десяти лет, и не превратиться в интеллектуального инвалида. Хату, наполовину уже, уничтожил шашель. В моей памяти, остались жить, обширные клубничные грядки, и отцовский сад...

Приученные находиться в стаде «жыты, як уси людэ», – зомбированное население, – «вросло» в единственно возможную форму выживания: существу, за его лояльность и проявляемое малодушное, соучастие в преступлениях во время выборов, гарантировалось покровительство местного альфа-секота.

...В автобусе, как обычно, много шума из ничего.

« – Табачник знае свое дило. Правэльно робыть, шо нэко-го нэ слухайе». – Лестные оценки, касаются работы министра образования. Это предполагает, что в салоне появилась сноха местного «дона Карлеоне», вместе со своей взрослой дочерью. Они разместились на сидении где-то сбоку, и чуть позади меня. На этом доне, – альфа-секоте, – точнее уже на его снохе, – держится сельское «образование», в котором она занимает доминирующее положение. Я-то, грешным делом, подумал, что разговор заведен о Табачнике, лишь потому, что недавно выбросил в Интернет статью об этом рафинированном министре-украинофобе? Заставляю себя не обращать больше внимания на эту мышиную возню. Все, в этих головожопых, подчинено единственному закону – выживания в условиях патерналистского одичания. Лесть, приравнивается к щедрому подношению, как средство оплаты за свое земное существование.

Дальше, меня занимают лишь пейзажи, милой сердцу, малой родины.

Среди зеленых крон, промелькнула шиферная крыша дома моего, не раз обстрелянная бандитами. Когда я еще вернусь к своим пенатам? И, повернусь ли вообще? Смогу ли еще хоть одним глазом взглянуть на запущенный отцовский сад?

...Уже в следующем году, гопники, получив отмашку, набросились на братца...

Со своим натуральным хозяйством, Юра, не вписался в пророссийскую военную доктрину, относительно развития украинского села. Случалось, что до этого у него вимали дань: вводили из пастбища бычков.

Тогда, стало очевидным, принятое окончательное решение – выдворить его за пределы контролируемой территории.

С его исходом, жена вынуждена была распродать натуральное хозяйство, в котором он души не чаял.

...Юра попытался скрыться на благополучной Западной Украине. Не вышло. Переехал в спокойную Житомирскую

область.

Брата нигде не принимали. Свой устав, не позволял ему жить в чужом монастыре.

Он явился ко мне, в Ирпень, где я тогда снимал квартиру. Женщина, с которой я в это время жил, – Жанна (поэтесса Юанна Подтоцкая, пишущая весьма приличные стихи ([http://www.stihi.ru/readers.html?janin68.](http://www.stihi.ru/readers.html?janin68))), – приняла его на работу (занималась ландшафтным дизайном).

Очень скоро, она вынуждена была признать свою опрометчивость. Клиенты усмотрели в его глазах: лишь отражение реликтовой зависти. То, что он культивировал в окружающих, расцвело в нем самым пышным цветом. А ведь, говорил мне, что внутреннее никак не проявляется в человеке. Еще и как, проявляется!

«Это же какое-то недоразумение! – жаловалась, мне, Жанна. Метафоричность мышления, управляет эмоциями поэтесс. – Он остался в своем, сельском мире. Чувствуется какая-то, детская, нереализованность в этом человеке. От этого – неодолимая зависть. Он пытается советовать, когда надо, тупо, вкалывать. Клиенты, на него, жалуются. Это очень солидные люди. У каждого – определенный вес в этом обществе. С целыми табунами прислуги. Какие вы, оба, раз-

ные...»

Неожиданно, Юра приобрел обычную хату, на забитом хуторе, в Черниговской области. Судя по всему, – это была отчаянная попытка, спрятаться от внутреннего страха, уничтожавшего его.

Откуда, в скором времени, перебрался в Сумы, упросив меня съездить на этот хутор, что – рядом с Бахмачем.

В середине весны, я предпринял вояж на этот хуторок. Эта поездка открыла мне, что у его страха – глаза огромной величины. Хутор существовал без всякой связи с внешним миром.

Сосед, очевидно, единственный проживающий гебнюк (какой населенный пункт без этой гниды?), попытался выяснить причины очередной склоки в Киевраде. Он пристально следил, оказывается, за украинской политикой. Я это выяснил, когда ходил приглашать его в братову хату, чтоб распить привезенную бутылку водки: на крыше у него торчала спутниковая антенна. По его мнению, каждый прибывший из столицы прилично одетый гражданин, должен жить политикой. Естественно, что никакого отношения к коррупционным скандалам в Киевраде, я не имел, поэтому не торопился удовлетворять его любопытство. Там, насколько я понимал

причину киевского противостояния, некий прыщ на ровном месте, Лесык Довгий, решил удовлетворить свои амбиции в кулачном противостоянии с чемпионом мира по боксу в хевивейте, претендентом на мэрское кресло, Виталием Кличко. Больше всего умиляло в этой высосанной из пальца истории, что сельский чудик, придерживался стороны вздорного мажора.

3

«Здоров! чи ты ищэ живой? Чы, як?» – Слышится, в трубке мобильного телефона, голос моего братца. Такое обращение может сбить с толку любого, если ему не приходилось выживать в условиях села. У меня богатый опыт – поэтому я глубоко не вникаю в суть подобного обращения. Соматическая сущность приема, усиливает агрессивный рефлекс нападающего; помогает ему захватить пространство для общения, осуществляя давление на панцирь внутренней защиты собеседника. В условиях села приживались особи, прошедшие качественную подготовку в пенитенциарных заведениях (в советской казарме). Насилие и садизм, в подобных учреждениях, составляют свод неписанных законов (понятий). Коммуно-гебистская фронда во власти, насадила отношения в наших селах – армейской казармы и тюремной

камеры. Братец, я догадываюсь, хотя и не говорю ему и никому, по некоторым причинам, был «завербован» в стукачи бывшим директором школы, сексотом Петруней, что позволило ему поступить в вуз, сделавшись опорой любого про-российского проекта. Завербовавший его, не имел достаточного авторитета, чтоб брат закрепил за собой надежное место под солнцем.

Я буркнул что-то в ответ, и уже, было, собирался пове-дать братцу о крепости своего здоровья, что, мол: «Не дож-детесь!», – как отвечал старый еврей на все обращения сво-их знакомцев. Но, – в описываемом случае, – произошла до-садная заминка.

Из трубки полился пространный монолог о том, как брат удачно устроился дворником (испугался признаться в каком городе), в дачном кооперативе. Узнаю все подробности его быта. Он, оказывается, поселился в домике управления, а дешевые продукты (соленую кильку и ячневую крупу), поку-пает вблизи, на небольшом базарчике.

Дальше выяснилось, что он сильно скучает по дому, и хоть сейчас бы пешком отправился в родное село.

« – Дужэ красиво у нас! – Заключает кулик, похваливая свое болото. – Такойи прыроды нэгдэ нэмае! Я в Грузийи

– жыв. В Чечни – служыв...» – «Эту красоту еще надо видеть». – Успел я вставить свои пять копеек. – «Я шысть десяткив прожив у своему сэли, и вси миста ци добрэ вывчыв, – продолжает брат. – Тилько, на старости, прыйшлось поскитаться...» – «Не надо было залупаться», – намекаю на причины его спешного ретирования из села. – «Я нэкого нэ трогав», – защищается братец (во что, я охотно ему верю).

После «Оранжевой» революции (я активно принимал в ней участие), я вынужден был оставить это село. Угасла последняя надежда на спокойный творческий труд.

Мафиозная власть в Украине сильно укрепила свои позиции: стало больше беззакония. Бандитская сущность ее не изменилась не на йоту. Хемингуэвский колокол – тревожно зазвенел по всей Украине. До власти прорвалась пророссийская клика.

Ситуацию можно было рассматривать, как крах последней надежды на то, что страна, когда-нибудь, выберется из-под обломков Российской империи. Биомассе дали повод поверить в восстановление некоего подобия Советского Союза – с привычным колхозным укладом и дешевой колбасой из хрящей за 2. 20. Следующим этапом, после посадки патриотов в концлагеря, как латентных «приспешников Адольфа Гитлера», можно было поднырнуть под омофор Кремля.

Село втянули в глубокое противостояние.

Под этот шумок, – отправился за решетку, некто, Петро. Однажды, он въехал в село, на своей подержанной «Победе», аки египетский фараон на боевой колеснице.

Его тесть, умудрился пропить благоустроенную квартиру в Сумах. На этой жилплощади, была прописана его дочь, с мужем – Петром. Попытка Петра пристроить нерадивого тестя в дом для сумасшедших, не привели к положительному результату. Единственное, что сумел он сделать, так это: за-чем-то доставить вечно пьяного Костура... До ближайшего супермаркета?!

На остатки вечно зеленых американских денег, Петро купил на конце села хату; завел пару коров (молоко продавал, исключительно, в Конотопе), свиней. Стал обрабатывать землю обширного огорода. Как всякий человек, не лишенный предприимчивой жилки, зарабатывал себе первичный капитал. Со временем, в его пользовании, появился потрепанный «Запорожец». Он занимался, даже, извозом.

Со временем, жена (младше его на четверть века!) родила ему сына.

Забирал на воспитание детей своей сестры. Оказавшейся за тюремной решеткой? Ему начинают поступать государственные выплаты, дотации. Здесь, Петро, якобы, похвастался где-то своими доходами, – чего, в данном селе, делать категорически нельзя. Каждая копейка контролировалась альфа-сексотом. Самостоятельные люди, нигде не в почете. Мало ли, чё им взбредет в головы?

Дальше, все разыгрывается, как по нотам. Четырнадцатилетнему акселерату по соседству, вменяется показать «дурашливому» дядьке свой окаянный отросток. Этот момент, вроде бы, не упустила зафиксировать в своей памяти его мать. Оказалось, что Петро (вытащили признание из детей!): «проявляет интерес к раздетым сироткам». Всплыла, к тому же, еще, первая судимость, за хулиганство.

Короче, модная «педофильная статья», которую ему пришили, на глазах обростала новыми уголовными подробностями.

За то, что мужики постоянно привечали нас, сельскую детвору в колхозной бане, оказывается, за то, можно было упрятать их всех, без разбора, за суровую тюремную решетку.

«Хорошо, что теперь уже не расстреливают, как польских

или английских шпиёнов, – слушая не придуманную историю по телефону, резюмирую я: – а только подводят под уголовные статьи...» – Я размышлял о превратностях человеческих судеб при тоталитаризме. – «Сколько людей осталось в селе?» – Спрашиваю. – «Якось приглашали мэнэ у выборчу комиссию, – не сразу, ответил брат: – шось... чоловік зо трыста выборців, зальшылось. Добавыть сюда – пьятэро дитэй... Оцэ, и всэ насэлэння». – «Отгеноцидили село, – делаю я безутешный вывод, по самое дальше некуда». – Горькие выводы пролетают мимо его ушей. – «Ты хоч когось щэ помныш?», – поинтересовался брат. – «Я не злопамятен, – пробую шутить, – но, память у меня хорошая». – «Тоди ты должен помныть Бобра. Толика, вжэ, нэма в живых. Отравывся нэкачэственнойю горилкою», – говорит брат об одном несчастном персонаже, из грустной сказки сельского бытия. – «Пассивный педераст, который, вдвоем с подельником, изнасиловали старуху, за что отбарабанил свой строк на зоне. Говорили, что он мочился под себя, и прятался от людей. Это его понуждали, потом мне, таскать обоссаное мясо», – отвечаю. – «А, Дубшина, Ивана?» – «Этот-то, что натворил?». – «Пошов у болото! У – Багно. За ним, бэз слиду, там жэ, пропав – и Мыкола, Крамарэнко». – «Делириум тременс. Белая горячка», – словами из известного фильма, оцениваю божественную драматургию.

В следующий раз, тема разговора касается наших родственников.

У бабушки Татьяны было пять родных братьев (Максим, Иван, Феодосий и Илья) и пять родных сестер (имя старшей сестры стерлось с памяти, Харитина, Фенька, Манька), – поэтому есть о ком беседовать.

Судьба сестер складывалась в пределах родного села. А вот, братья – Ивану и Феодосию – пришлось бежать из села (первому пришлось скрываться от органов). Сообща, они творили коллективизацию, организовывали под Конотопом – Комсомольскую коммуну.

Дед Иван, председательствовал в каких-то Кардашах, за небезызвестным Спадщанским лесом. Сотворил коллективизацию – в одну ночь! В памятном тридцать седьмом году, ему инкриминировали воровство дорожек в каком-то православном храме. Пришлось скрываться по подложным документам. За него, на строительство «Беломоро-балтийского водного пути им. Сталина», отправили старшего брата, Максима (подорвет там здоровье, и умрет, уже, после завершения строительства). Иван, учительствовал во Фрунзе. От-

туда ушел на фронт, прошел всю войну, вернулся живым. В 1973 году, наведаясь в село, освобожденное им под чужой фамилией. Он, этот день, запомнит на всю оставшуюся жизнь. Возле сельсовета на него набросился партийный активист. «Ты – враг народа! – кричал Лузан. – Ты – арестован!». Дед, спокойно, освободил свою руку. Женат дед был на узбечке.

Феодосий, на фронт не попал, проработав машинистом тепловоза в городе Хилок, что в Читинской области.

Дед Илья, оказался в плену, у Белоруссии.

Вспомнили, как Илюшка выживал в плену. «Заводят, – со слов деда (он считался самым «туповатым» среди своих братьев), – в их барак очередного военнопленного. Илюшка, с верхних нар, хватал его вещмешок, забирая «сидор» себе. Однажды... узнал во вновь прибывшем, Ушатчука (отца еще одного, очень приметного сексота). «Этот точно сдаст его, как первого комсомольца!» – пронеслось в мозгу у Илюшки, и, в ту же ночь, он совершил свой побег, на который до этого никак не решался.

Всю жизнь, Илюшка проработал в родном колхозе, ветеринаром. От него разило, на версту, какими-то специфическими лекарствами.

«Недалеко от брата поселился наш родственник, тот самый киевский профессор, сексот. Сельская гопота, у родителей его товарищей, вытащили какой-то автомобильчик. Потом выяснилось, что эти гопники занимаются еще и кражами в лесу. Их отпустили, по просьбе местного альфа-сексота, у которого они были в услужении. В селе, с подачи моей двоюродной сестрицы, поселился крышеватель местных сепаратистов, районный прокурор Муха. Отныне, альфа-мерзавец, мог напрямую обдывать свои делишки. Без гопников, опоры и надёжи режима, его власть была бы неполной. Профессор устроил мне «презентацию» в Киеве, в ресторане «Очеретяный кот», что в «Гидропарке». Шкодливая пророссийская «интеллигенция», с которой я общался на одном сайте, «разглядела» во мне «зверя». Наконец-то!!!

«Деньги, – спрашиваю у брата, – на это мероприятие, сексоты собирали по всему селу, или ограничивались пожертвованиями нашей сестрицы, Моны?». – (Органы предпринимали очередную попытку дискредитации автора в блогосфере). – «А хйба, Евгений Мач...кий, сексот?». – «Кто же он после этого?». – «Вин, жэ ж, наш родыч!». – «Знаю». – «А, хто, тоди, щэ сексоты?» – спрашивает брат. – «Б...ков (Шик) – альфа-сексот, Дрэпыч, Ушатчук, Черный (все прозвища)...»

Через Черного, – бывшего председателя сельского сове-

та, – шла вербовка многих стукачей (моя покойная тетушка была активной участницей посиделок в его хате). Трусливый сынок Вани Черного, – Витёк, – волей заботящегося будущим районной номенклатуры, военкома, отправился выполнять «интернациональный долг» в Афганистан.

Используя, свои каналы (органов госбезопасности?), Черный побеспокоился о том, чтоб сына перевели в почтальоны.

В Конотопе, из Витька, как из «крутого воина-интернационалиста», начали лепить героя афганской войны.

Мать пожаловалась мне, что этот Черный лишил ее топлива, которое полагалось за мою службу на Байконуре; заставил ее – слепую! – подписывать какие-то бумажки, из-за которой она, лишалась хаты – без суда! – в пользу своей сестрицы-стукача. Я, моментально, сбросил информацию своей женщине, а она, уже, обладая определенным авторитетом, распространила компромат.

С той поры, местные сексоты всех мастей и оттенков, солидаризировались в борьбе со мной. Я лишил отпрыска своего врага, «заслуженного» авторитета.

– «Скользкий, тип, – говорил я брату о Черном. – Учились, в Глуховском пединституте, вместе, с альфа-сексо-

том». – «Помныш, Вытю Прокоповыча? Мого кума? Полу-
чайе пэнсию, бо обморозыв ноги». – «Академика? – конечно!
– говорю я. – Окончил сельскохозяйственную академию. Служит
шутлом-гороховым при местном Доне Карлеоне. С коммунистическим
приветом в голове. Отец его, кстати, был коммунистом?»». – «Олэксий
Прокоповыч, нэ був коммунистом, – объясняет братец. – Вын був в
плену, розносыв дрова в Берлини. Его б, в партию, никола нэ
взялы». – «Шик бы дал рекомедацию – забрали б. Отец Шика, при
немецкой оккупации, старостой колхозного двора выслуживался!
Строил III Рейх. И, что? Стал основателем династии сексотов.
Внук окончил институт по квоте с органов, чтоб влезть в
хозяйственную номенклатуру. Помню, в редакции районной
газеты, мне советовали взять интервью у этого сексота (единственно
возможная рекомедация). Пришлось расстаться с мечтами о
сельской журналистике.

В самом конце зимы, в брата, возможно, брезжила призрачная
надежда вернуться в родное село.

Он истово защищал Бар...ва (Шика) в словесных перепалках со мною,
уверяя меня, что этот Дон Карлеоне – не сексот, не мафиози, и, совсем,
не красный барон.

Мне надоел, этот телефонный марафон.

«Ты помнишь, как приходилось жить нам с матерью?» – поинтересовался, однажды, у брата. – «Помню», – отвечает он. – «У нас, с матерью, сильно протекала крыша, – напомнил я: – На своем чердаке, я расставлял посуду, чтоб во время ливня вода не лилась прямо на головы. Твоя мать болела, и переживала за тебя. Меня это сильно расстраивало. Ведь у тебя был дешевый шифер, который стоил «баснословные» деньги (когда пришлось покупать). Ты же, свой шифер, демонстративно, отдал Шику. За это, тебя, якобы, восстановили в школе». – «Яка то була школа? – оправдывается брат. – Платылы копийки...» – «Тридцать серебрянников?» – пытаюсь уточнить. – «Для чого, ты так?» – обиженно, спросил брат. – А, что ты хотел услышать?». – Брат, ненадолго, прерывает перепалку. – «Не давы на психику, а то я пэрэстану звонить». – «Это – угроза? Пошел ты...»

5

Революционная зима, выдалась теплой и бесснежной. В январе – пошел дождь.

Начавшееся в ноябре противостояние украинцев на Майдане, разгоралось с любой попыткой приспешников Кремля, подавить его своей чрезмерной жестокостью. На всякое дей-

ствие сатрапа Януковича, собравшийся народ отвечает активным противодействием.

Кремль просчитался, не разглядев в «мягком и покладистом» характере украинца, вызревший бунт нового поколения патриотов.

Ставленники Москвы не оправдывали вложенных в них огромных средств, и надежд на восстановление любимой империи в границах XVIII века. Оказалось, что в украинцев, уже невозможно отобрать обретенную свободу.

За Европейской площадью пылал костер, сложенный из шин. Черный дым и сажа окрашивала стены домов в Музейном переулке и колоннаду стадиона имени Лобановского.

Гарью была повита центральная часть Киева, и все прилегающие к ней улицы. Легкие вольно дышали этим едким запахом свободы.

Я не упускаю малейшей возможности, окунуться с головой в это противостояние.

...Мне всегда нравились пешие похождения по центру украинской столицы: во времена своей учебы в геологоразведочном техникуме (в конце 70-х), в самом начале 90-х, ко-

гда я начал печататься на улице Саксаганского, в дни «Оранжевой революции», и, сейчас, уже около десятка лет проживая, в ближайшем столичном пригороде.

Когда-то, на этом месте, под сенью изваяния Владимира Ильича (на площади Октябрьской революции), предпочитали прогулки многие киевляне и гости столицы, отдыхая на граните, у каскада водопадов. Время «развитого социализма», в эпохе «брежневского застоя», оставило в памяти неизгладимые впечатления, какой-то опрятной бедности.

До сих пор, ощущалось доминирование московской метрополии. В архитектуру застроек, – как и во весь Крещатик! – экстраполировалась закрепощенная душа украинцев.

К чему эта, навязанная Киеву, – «матери городов русских», – унижительная форма сталинского ампира?..

С обретением Украиной независимости, Крещатик, как центр европейской столицы, должен был стать примером раскрепощения. Здесь же, норовят сохранить архитектурное раболепие. Присмотрелись бы, как здорово похорошел Майдан, когда «Глобус» заменил его внутреннюю сущность, несмотря на шипенье откровенных сталинистов.

Здесь, я выступаю непримиримым перфекционистом.

Центр европейской столицы должен самосовершенствоваться, прорываясь наружу красотой души украинца.

Специфический сталинский ампи́р (от фр. empire – "империя" и по аналогии с ампи́ром) – захватил лидерство в архитектуре монументально-декоративного зодчества СССР конца 1930-х середины 1950-х годов, сменив рационализм и конструктивизм. Этот стиль получил широкое распространение в годы, когда страной руководил откровенный палач украинского народа Иосиф Сталин. С 14 мая 1923 до 13 июля 1937 года улица носила название Вацлава Воровского. Во время оккупации Киева в 1941, немцы переименовали улицу в Айхгорнштрассе (в честь фельдмаршала Германа фон Айхгорна). 24 сентября 1941 году Крещатик – взорван (боеприпасы были заложены НКВД). Комендант Киева, Курт Эберхард, воспользовался этим, как поводом для уничтожения всех евреев Киева в Бабьем Яру.

Сразу же после войны, Сталин приступил к восстановлению. Архитектура стала удобным способом утвердиться вождю в умах и сердцах своих верноподданных.

Архитектурное произведение, как любое из искусств, обязано служить империи. Гостиница "Украина", высотный жилой дом на Крещатике 25, здание Кабинета Министров Украины, некоторые станции метрополитена. И, наконец-то

– и сам Крещатик!

Циклопические глыбы, из которых составляют первые этажи претенциозных зданий, гранитные только на фасадах; со стороны дворов они – железобетонные. Во время уличных боев, они должны стать настоящими форпостами обороны.

Во дворах Лютеранской и Банковой, при детальном рассмотрении, легко представить себе, спрятанные в планировании идеальные параметры лагерей Колымы и Соловков.

Над проектом застройки Крещатика, представляю, трудился творческий коллектив прикремленных архитекторов. Они корпели создавая элементы декораций, украшающих свое рабское детище, создавая видимость неразрывности архитектурного ансамбля: каждая отдельная облицовочная плитка, обязана была нести в себе весь замысел от архитекторов-лакеев. Эти ограниченные бесправием личности, зараженные паранойей «культы личности», ужасом перед неизбежным наказанием, проникали своим страхом в каждую деталь единого ансамбля зданий, – сотворив «единственно правильное» представление людей «о счастье советского народа». Можно только представить себе, как все эти деятели, мотались со своими бумажками-чертежами в Москву, за утверждением воплощаемых в камне каннибальских идей.

...В нынешние революционные дни, я – все же – не часто бываю на Майдане. Все ради того надежного заработка, который позволяет мне заниматься литературой...

Обычно, я начинаю свой обход, в центре столицы, с Владимирской улицы – до Андреевского узвоза. Чтоб попасть на Крещатик, я делаю этот, обязательный крюк.

Я протискиваюсь по забитому народом Майдану, никогда не слушая «исторических выступлений», примелькавшихся на экранах телевизоров, политиканов. Они выглядят достаточно архаично на фоне свежих лиц революционеров, творящих настоящую историю.

Молодые парни, впереди меня, чирикают о чем-то на своем молодежном, птичьем, языке.

В одного парня, на весу, какое-то приспособление, в виде ручки, цепочки, на которой болтается сваренный из арматуры «ежик». Все, заряжены, на грядущую историческую победу.

« – Смотри: какая у меня тема», – говорит парень, вертя в руке какое-то боевое приспособление.

« – А это, моя, – товарищ достает компактную бомбочку»

ку, сделанную из барабанчика, обод которой, утыкан мелкими гвоздиками (можно догадаться, что внутри находится порох). – Еду в Харьков, – продолжает он: – Будем поднимать Восток!».».

На выходе из Майдана, у самого Главпочтамта, на Крещатик выливается плотная толпа. Лица людей очень напряжены. Чувствуется давление со всех сторон.

« – Ходят тут всякие». – Милая улыбка, затаившаяся в уголках чувственного рта серьезной девушки, сказавшей эти слова, заставила многих мужчин, потеплеть взглядами.

Толпа медленно продвигается мимо карикатур на российского диктатора Путина, мимо биотуалетов, дверцы которых, украшают надписи: «Кабинет Януковича» и «Кабинет Азарова». Возле закопченных чайников и кастрюль, существуют, самостоятельно, еще какие-то запоминающиеся надписи.

Открытые лица революционеров. Такие же, какие были во время предыдущего «Оранжевого противостояния». Я делаю вывод, что новая революционная волна- воплощение чаяний уже следующего поколения украинцев.

Я, – быстро привыкаю к существованию этого Майдана, понимая, что он – продолжение суровой борьбы. Украина стряхивала из рамен вековое рабство. Новое поколение революционеров обязано доделать то, что не осуществили после 2004 года.

...После жестокого разгона молодежи, в ночь на 30 ноября, начался новый этап этого противостояния.

С 1 декабря, ситуация заострилась до самой крайней бровки. Лица людей, выглядели совсем по-иному: стали, по-военному, суровее.

Одним из значимых моментов новой революции – можно считать 8 декабря. Когда, в районе Бессарабского рынка, сбросили из постаменты памятник Ленину.

Утром, отправляюсь к месту исторического события. «Фаллос» коммунистической эпохи, которым колонизаторы растлевали сознание украинцев, лежал поверженный, расчлененный на части. Голова – исчезла в неизвестном направлении.

Мне, даже, удалось толкнуть небольшую речь на импровизированном митинге.

Возвышаясь на гранитном парапете, над небольшой толпой, успел провозгласить, приблизительно, такие тезисы:

« – Скорее передать власть молодым! Молодежь должна почувствовать себя хозяевами обновленной страны! Не бойтесь ошибок молодых! Молодежь незапятнанна сотрудничеством с органами! Молодым принадлежит будущее страны! В молодых – воплощена наша мечта о свободной Украине!.. »

Мой патриотический порыв, оперативно нейтрализовала какая-то дама неопределенного, «бальзаковского возраста». Крашенная блондинка, со следами усталой красоты, постаралась все испоганить. Тем более, что видимых усилий ей для этого не понадобилось, – эта женщина обладала, очевидно, особенной аурой. Такие, – отдать им должное, – креативно трудились в советском активе: собирали профсоюзные взносы, вели комсомольские собрания, предоставляли сексуальные услуги высшей номенклатуре. Много их, поступило для работы в органы госбезопасности, в качестве агентов-провокаторов. Чем она и занималась во время революционных выступлений. До этого они активно подменяли собою настоящую оппозицию, создавая, так называемую –

лже-оппозицию.

«Не верьте ему! – сказала блондинка без обиняков. – Он все лжет! – И толпа, на моих глазах, стала рассасываться. Кто-то еще успел спросить: чем я занимаюсь по жизни? Где можно почитать мои книги? Заметив при этом, что в Интернете пишут много разных глупостей. Почему, я выступаю на русском языке?..»

На этом все и закончилось.

Я спрыгнул с импровизированной трибуны, и, бросив несколько дежурных фраз задержавшимся возле меня иностранцам, неспешно отправился пешком по бульвару Тараса Шевченко.

Рядом со мной пристроился интеллигентной наружности мужчина, примерно, одного со мною, возраста.

– Этот бульвар, раньше Бибикивским назывался. – Начал просвещение мой попутчик, когда мы продвигаемся с ним вдоль шеренг пирамидальных тополей. – На том самом месте, на котором вчера снесли памятник «вождю мирового пролетариата», во время нацистской оккупации, стояла виселица.

– Свято место пустым не бывает. Оба режима считаются человеконенавистническими, – сказал я.

– Дальше стоит памятник Щорсу, красному командиру, – сказал киевский интеллигент.

– И – чекистам, на Лебидской, – показываю свою осведомленность. – Есть еще что сносить!

– Как же я об этом забыл? Надо будет поднимать вопрос, чтоб поскорее снести, – оживляется мой попутчик: – С топонимикой – беда! Мне сюда... – сказал интеллигент, на пересечении бульвара с Владимирской улицей.

– Мне – дальше до самого Железнодорожного вокзала, а там – на скоростной трамвай, – подхватываю я.

– Спасибо, за интересный разговор, – сказал на прощанье, интеллигент.

– И вам, взаимно. – Мы раскланиваемся на перекрестке, и расходимся по своим делам (он повернул к университету).

...Новый год я встречал с Жанной. Она написала стихотворение, и посвятила его мне. Теперь требовала, чтоб я посвятил ей свой рассказ. Женщины вдохновляют, но не остав-

ляют времени для реализации. Этим, я вышучиваю мысленное обдумывание этого рассказа.

Новый год, как положено, был: с «Салатом Оливье», «Советским шампанским», «Селедкой под шубой» и грузинскими мандаринками. В теплой комнатухе, и с маленькой елочкой на столе. Советская традиция.

...В выходные, сразу же после Нового года, я снова отправляюсь на вече, на Майдан. Жанна намерилась составить мне компанию. Сама она родом из Донецка, из Донбасса, что выглядело для меня, как-то неестественно. «Донецких – не переделаешь! – Приходит мне на ум. – С любого националиста можно создать достойного гражданина; из донецкого совка, может получиться, только маргинал».

Нутро гомо советикуса скукоживается в коконе, сотканном из советских мифов, песен Аллы Борисовны «Галкиной», подобно шагреновой коже, терпеливо ожидая того момента, когда можно снова будет показать свою реликтовую кровожадность, чтоб окончательно раствориться на задворках истории.

Постоянно названивает Жаннина мать из Донецкой области, которая переживает за киевские события. В ее голосе звучат, набатом, нотки тревоги. Создается стойкое впечатле-

ние, что, самые главные события, ожидают нас впереди.

«Пусть отчаливают! – в сердцах, говорю я. – Нужно обмотать вашу область колючей проволокой, чтоб не один Янукович больше оттуда не выполз». – «Они, так просто, не сдадутся, – предупредила Жанна. – Братья настроены весьма решительно. Может так случиться, что Донбасс отделится». – «Скатертью дорога! – говорю я в сердцах, уже с порога. – Донбасс – это базовый лагерь российских спецслужб. Украина немного потеряет. Донбасс – это тот плацдарм, который они используют, чтоб поработить украинцев!».

Очередной поход к центру столицы, я начинаю с Владимирской улицы, чтоб оттуда – попасть на полупустой Андреевский узвиз.

Но, художники, в эти сложные дни, практически не выставлялись. Нет Алексея Черкасова (art-aleks@ukr.net), с которым я люблю пообщаться о живописи.

Прогулочным шагом, под хмурым небом, через Десятинную улицу, бреду к Министерству закордонных справ, а, потом, через Владимирскую горку, – появляюсь возле Украинского дома. Чтоб, сразу же, спуститься на Европейскую площадь.

Улица Грушевского – вся в баррикадах. Я поднимаюсь на одну из них, чтоб поглазеть на темнеющие впереди, кажущиеся неподвижными, шеренги «беркутовцев».

Революция в самом разгаре. Молодежь сражается за свое будущее.

В эти зимние дни, быстро скапливается материал для нового рассказа. Успеваю только запечатлеть события в очень коротких записях-штрихах.

...Жанна зовет приехать к ней в гостиницу, на улицу Киквидзе. Фирма, в которую поэтесса устроилась на постоянную! работу, снимала работникам дешевые апартаменты в общежитии какого-то института. Ночные улицы столицы стали небезопасны для пешеходов. Здесь разгуливали банды гопников, свезенные со всех уголков страны.

Утром, уйдя от Жанны, я отправляюсь на Крещатик, – и окунаюсь в гущу революционных событий: толпа, по Грушевского, выносит меня, напрямиком, к Верховной Раде...

С ее дверей, то и дело, выскакивали депутаты, вскакивали на невысокое ограждение, и о чем-то суетливо вещали в собравшуюся напротив толпу. О чем, именно?.. Это не столь было важно для меня (обозначали политическую лояльность

к собравшемуся народу).

Оказывается, в эту ночь, российская марионетка Янукович, спешно сбежал из Киева; депутаты, оперативно, пытаются приспособиться к возникшей политической реальности.

Музыкант Святослав Вакарчук. «Свободовец» Мирошниченко. Чемпион мира по боксу, и кандидат в мэры столицы Виталий Кличко. Арсений Яценюк.

Депутаты говорят о том, о чем должны были говорить в этот момент все политики.

Судьба страны, пока, решалась сотниками из Майдана. Они свергли Януковича. Им, самое короткое время, принадлежала полная власть в стране, в эти часы.

Появился человек в камуфляже, Дмитрий Ярош? Лидер праворадикального Правого сектора.

Молодой сотник из «Самообороны майдана», возникший возле меня, сразу же напрягся лицом.

Появился железный автобус (дань политической моде?), чтоб из его крыши, словно В. И. Ленин в апреле 1917 года с

броневика, можно было толкнуть историческую речь!

Сотник из «Самообороны», стал подбираться к автобусу. Сотник взвинчивал себя бормотанием, словно некая заводная игрушка, как только на крыше возник Ярош.

«— Дэ ж вин був, колы хлопци гинулы на очах? Я повинэн выступить. Бо набрыдае слухати цю брэхню! Тэ, що вын кажэ, тэ — робылы мы! Дэ ж вин був зи своим «Правим сэктором», колы на нас летины «бэркуты»? Мойи хлопци гынулы... гынулы!» — Он говорит это в пространство перед собою. Кажется, он видит своих побратимов, за деревянными щитами, бесстрашно идущих под пули снайперов. Тех, которых принято называть «Небесною сотнею». — Правый сектор — тикалы. Нас лышалось зовсим нэбагато. Щось... процэнтыв двадцять...»

« — Можешь не говорить, — сказал я. — Я не буду настаивать. Скажи, только честно: «Кто первым стрельнул?» — спросил я. — Сотник, не научившись врать, как политик, сказал: « — Ромчик...»

Появится на украинской земле еще не одно поколение, таких вот, честных и принципиальных ребят, настоящих патриотов своей страны, чтоб поднялась настоящая элита нации. Из нее, вросшей корнями в свой народ, появятся: во-

енные, чиновники, писатели, строители и землепашцы. А не нынешние – из сексотов.

Сотник, посмотрел на меня, словно угадал мои пафосные мысли. В эти минуты, он смотрелся человеком, сделавший самое главное дело своей жизни

Сотник сделал еще одно усилие, и оказался на крыше, стоявшего недалеко, автобуса. Он стоял рядом с вождем «Правого сектора». В руке у него появился микрофон. Он, некоторое время, молча расхаживал по крыше автобуса, собираясь со своими мыслями. «Люстрация!» – крикнул незнакомый сотник. Это, выношенное мною слово, сказанное не раз, при нем, он бросил в толпу. Толпа ответила ревом.

«Лю!-стра!-ци!-я!» – отозвалась толпа.

Потом, я видел, как он стоял на лесенке, ведущей на крышу, – и лидер «Правого сектора» Ярош? Записывал себе его номер мобильного телефона...

Крещатик, чтоб в разговоре с людьми подобрать пару строчек к этому рассказу.

«Сейчас едем в Черниговскую область, где офицеры СБУ обучают «Правый сектор, – говорит мне один из видных деятелей этого движения. Я разговариваю с ним возле громадины КМДА (здания городской управы). – Я немного задержался, – говорит он. – Надо было получить медикаменты. Сам я, – медик. Сейчас уезжаю. Спешу. Слава героям!», – говорит герой. – «Смерть врагам!», – эхом, отвечаю я.

В эти дни, мне неуютно становится от мыслей, что и в Сумской, может случиться то же самое, что происходит в Донецкой и Луганской областях.

В западногерманском издательстве: «YAM Young Authors' Masterpieces Publishing», вышел мой первый роман «Трепанация ненависти».

Нет больше поэтессы Юанны Подтоцкой, – Жанна отправилась к себе на родину. Неужто пополнить собою поредевшие ряды пророссийских сепаратистов? Как ее братья, которые с нетерпением ждали вхождения Донбасса в «Русский мирЪ»?

Что излечит жителей донецкого региона Украины от этого

наваждения? Понятно, – что лишь пуля украинского снайпера...

–

...Снова звонок от брата, который так же неожиданно, как снег на голову, появился в Киеве. Переночевал, – и отправился искать работу, типа – дворника...

2014

Ирине Стрелке

В столице, сюжеты разворачиваются очень быстро. С утра можно отправиться за книгой на Петровку, а закончить день с обычной киевской проституткой, где-то за Большой Окружной дорогой. Получив от общения с нею, тот необходимый импульс для написания нового рассказа, вывалив за рамки его, ту липкую нравственную грязь, которая обволакивает всех женщин легкого поведения.

... В самом конце прошедшей весны, автор, долго, испытывал приступы светлой ностальгии. Когда принимался энергично восстанавливать утраченные им когда-то тексты:

о своей бурной геологической молодости, сожженные в огне, во время поспешного бегства. Связанные с этим события уже не единожды становились украшениями его писательских потуг, поэтому он сознательно оставляет незаполненным это место.

С восстановлением рассказов, до некоторых пор, у автора все было в ажуре. Он сучил творческую пряжу из параллелей и меридиан, используя их в качестве литературных нитей. Когда ему потребовалось окрасить «страну березового ситца» в присущие природе, цвета – он решил обратиться к своим старым добрым знакомым, книгам.

Пренебрегая услугами Интернета, автор отправился на Петровку, надеясь в тамошних букинистических нагромождениях, найти что-то приемлемое; по возможности, за небольшую плату. Ограничив запланированную культурную программу: прогулкой в Мариинском парке, экскурсией по Свято-Успенской Киево-Печерской лавре, Писательскому дому на Банковой, с выходом на, вечерний, Крещатик.

Отобедать, по заведенной давно традиции, автор вознамерился в Мариинском парке. Есть там одно укромное местечко, где можно устроить себе настоящий пикник, не шибко напрягая взгляды отдыхающих граждан. Автору памятно это место еще и тем, что здесь, на этих деревянных столиках, в далеком слякотном, мрачном, холодном ноябре 2006 года, он начинал писать свой первый роман.

Сквозь косматые кроны деревьев, где-то там, внизу, будет

поблескивать голубая лента днепровской воды, над которой будут парить, возвышаясь над водой, тучные стада огромных новостроек, и греко-католический, современный, собор у станции «метро Левобережная», в виде огромного колокола.

...Начало не предвещало ничего экстраординарного. Порывшись в книжных развалах на Петровке, автор приобрел необходимую книгу. Последовал переезд на станцию «Арсенальная»; закупка в гастрономе «Чумацкий шлях» упаковки рыбных пресервов, пакетика ветчины и 200 грамм водочки «Хлибный дар»; переход в Мариинский парк.

С набором нехитрых закусок для посиделок в ресторане «Под открытым небом», автор направляется к деревянным столикам.

Двигаясь по ухоженной дорожке парка, навстречу ко выглядящей насильно втиснутой сюда, нынешними хозяевами жизни, какой-то престижной, ультрасовременной громадине, сильно смахивающей на огромный термитник. Восторженный лик этой махины, постоянно приветствует автора матовым блеском своих дымчатых окон.

Необходимо проследовать еще чуть дальше, по выложенным кирпичам, мимо детских площадок, и вот, то место, куда стоило придти.

Выбираешь, очищаешь, расстилаешь...

Случалось, что автор встречал в этом месте каких-то очень приличных с виду мужиков, вспомилавших времена своей блестящей юности. Оказавшись в своей привычной

компании, они превращались в тех же Юр и Саней, которых знал весь Крещатик, а может, даже, и весь Киев. Став взрослыми людьми, они вели себя, в этом месте, настоящими хозяевами жизни, распивая принесенную водку. Говорили о своих делах и женах. Они как бы не замечали, этих прекрасных окружающих перемен, которые произошли за эти годы. Их детство осталось здесь, прогремев, прикрепленными к доскам подшипниками, по булыжным мостовым близлежащих улиц; служа бессрочным пропуском в эту компанию. С этих киевских круч, они уходили в армию, влюблялись в девчонок, заводили семьи, у них появлялись дети, которых ожидают похожие судьбы. За этими «пьяными деревьями» на крутых склонах, течет река, сопровождающая их жизни. Этим воспоминаниям можно только завидовать.

После окончания трапезы автор намеревался отправиться в великолепную Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру, чтоб окунуться в сытое средневековье. Завести там, с целью здоровой провокации, разговор на украинском языке. Тамошние монахи, когда-то напоминали ему переодетых российских шпионов. Они лютой ненавистью ненавидели носителей этого языка; боялись его чарующих звуков, как черт ладана! Сейчас шпионы, наверное, научились прятать свою ненависть под суконными рясами, в своих дорогих «Мерседесах» и под шикарными крышами роскошных келий. Потом, следовало бы отправиться на Банковую, поглазеть на роскошный своим декоративным убранством, непре-

взойденный по архитектуре, шедевр Городецкого («Дом с химерами»), почувствовав к нему какую-то духовную привязанность. Заглянуть в богатый чиновничьим духом «Дом писателя», на Банковой №2, бывшее владение купца Либермана, чтоб побродить по вытоптаным, бежевым ковровым дорожкам, под присмотром, знакомых еще со школьной скамьи, классиков украинской литературы, важно взирающих из портретов, развешенных над широкими лестничными маршами. До недавнего времени, автор почитал своим долгом, постоять несколько минут под окнами величественного здания на Банковой значащегося под № 11, под которым находится штандарт президента. После последнего волеизлияния потерявшего здравый смысл населения, когда высокая государственная должность была вручена бывшему уголовнику и рецидивисту, взявшемуся уничтожить украинскую государственность – этот обязательный пункт культурной программы, упразднился за откровенной ненадобностью.

...День выдался необычайно жарким. На авторе был зачем-то изрядно поношенный, но еще в приличном состоянии, его черный рабочий костюмчик, в котором он работал на фирме. А, поскольку, погода установилась необычайно теплая, – май месяц был уже на излете, – то автор, естественно, немножко вспотел, добираясь до вожделенных столиков, чем и привлек к своей нехилой, стокилограммовой туше, неорганизованное войско разного рода кровососуше-

го гнуса. И пока автор потчевал себя купленными яствами, опьяневшая от крови орда, не взирая на значительные уроны живой силе, куражилась над ним, устроив: пир на весь мир.

– Что? не дают покоя? – Услышал он за спиною бодрящий женский голос.

Повернув голову, автор увидел возле себя крашенную блондинку лет, примерно, 35-40, с нарисованными бровями. Ее спелый возраст, красноречиво говорил автору, что она уже может позволить себе все, и ей ничего не страшно. Все изъяны кожи были так тщательно зашпаклеваны посредством женской косметики, что оно выглядело: словно сад, покрытый инеем. Маска Снежной Королевы! Стильная современная одежда немножко портила этот сказочный образ, налетом какой-то второстепенной светскости.

– Достают, – согласился автор, вытираясь салфеткою.

– Такой интересный мужчина, и почему-то проводит время один, – сказала дама, и, в развитие темы, продолжила: – А я здесь чисто случайно оказалась. Зовут меня, – Света. Мы, здесь, с подружкой гуляем. Присоединяйся к нам.

– Очень приятно познакомиться, – сказал автор, перед тем как выдать свое имя. – Во время выполнения культурной программы, утратил значительное количество калорий. Поэтому, явился сюда, в целях восполнить понесенную тяжкую утрату. – Витиеватая фраза, должна была, проверить уровень эрудиции у дам. Заодно задать уровень беседы.

Автор зажал в руке приобретенную книгу, чтоб пе-

реместиться к столику, за которым осели представительницы прекрасной половины человечества.

– Таня, – представилась, симпатичная подружка Светы.

На вид этой девице, было: лет 23. Девушка, что говорит-ся, в самом соку. Эта принцесса на горошине, имела весьма своеобразный вид. Мальчишеский головной убор, надвинутый на самые глаза, искусно прятал ершистую прическу. Образ задиристого уличного пацана? В свою очередь: девушка, оценивающе, смотрела на автора.

– Вообще-то я, работаю в Министерстве сельского хозяйства, – прерывая это сближение, заявила Света. – Вышли прогуляться с подружкой. Вижу, такой интересный молодой человек сидит, совсем один. Думаю, почему б не познакомиться с ним поближе? Раз уж день такой выдался красивый. – Затараторила Света. – Я свободная теперь женщина. Недавно похоронила мужа. Я, вся, в трауре. Год не прошел. Он разбился на моей машине. Теперь живу одна, под Киевом. В Боярке. Знаешь?..

– Только по роману «Как закалялась сталь». Учили в школе. Из этой самой Боярки, секс символ эпохи коммунизма, некто Павка Корчагин строил узкоколейку для того, чтоб согреть дровами замерзающий Киев.

– Я хочу купить там полдома, – продолжала говорить Света, пропустив эскапады его сознания, мимо ушей. – Хочу там поселиться.

И, сразу же, засыпала автора словесной шелухой. Рассу-

док, автора, уже давно выключился. Света, постоянно, меняла направление своих мыслей. Слова, словно играющие на солнце мыльные пузыри, слетали с ее уст. Они тут же лопались. Появлялись другие, которые ждала та же участь. Брошенные на ветер, слова сотрясали воздух. Это продолжалось некоторое время. Видно, что женщина оценивает так свою добычу. Пока у нее не обзвонился мобильник, что заставило ее уйти в злые переговоры, обеспечив автору так необходимую передышку.

Ее подружка Таня, похлопав ресницами, тоже взялась за свой мобильный телефон.

– Это свекровь! – сказала Света, приставив трубку автору до уха, чтоб он услышал, громкий, рассерженный женский голос. – Слушай, как она ругает меня. Да, ну ее! Я пошлю ее, куда подальше.

Автор, давно, был сбит с панталыку. Министры, машины, квартиры, дачи... Света жонглировала этими понятиями, как актер бумажными гириями. Они летали у зрителей перед глазами, создавая иллюзию настоящих. Можно было свихнуться от переживаемого стресса. Он отдался во власти своей интуиции, которая никогда еще не подводила его в подобных случаях. От логики, было видно, трудно было ожидать каких-то результатов.

Одно выходило из разговора, что не надо утруждать свой здравый смысл работою, слушая Свету. Она порхала, будто бабочка, яркая и доступная для наблюдения. Можно было

запросто отбросить всякую логику, ловя ее на цветке каждого слова, отвечая ей таким же языком, плетя из обольщения сачок для ее же ловли.

– Какая у тебя зарплата? – сотворила «бабочка»-Света наводящий вопрос, и перелетала на следующий цветик.

– Чуть повыше, чем средняя по стране, – уклончиво, отвечал автор, перелетая вслед за нею.

(Девочки переглянулись)

– И, хватает? – спросила «бабочка»-Таня.

– Не жалуюсь, – отвечал автор. – Многие люди, в этой стране, и таких денег не имеют. Мне нужны деньги, лишь постольку поскольку, – автор пытается напустить туману. Я – творческая личность. Деньги мне не к чему. Даже вредят, если их много. Я начинаю думать, как их потратить. С этого ничего не выходит путного. Как всегда.

Но это, кажется, никакую из «бабочек» не задело. «Бабочка»-Таня, словно потеряв к автору всякий живой интерес, ушла в свои непрерывные телефонные переговоры. А, «бабочка»-Света, очевидно, надеясь услышать совсем иной ответ, начала пристально изучать внешний вид автора, отыскивая в нем изъян.

– Да и костюмчик, видно стиранный, – выдала, наконец, «бабочка»-Света: – Как это я сразу это не досмотрела?

– Что ж? и на старуху, бывает проруха! – пошутил автор, словами известного всем Остапа Ибрагимовича.

– Вот куплю себе новую машинку! – снова меняя тему,

продолжала «бабочка»-Света. – «Мазду», обязательно! – В ее словах, не было уже ослепительного задора.

– Дашь покатиться?..

– Ага! Один уже покатался!

– Я тоже хочу...

– На тот свет? – спросила «бабочка»– Света.

Таня начала снова прислушиваться к разговору...

...Через час, компания уже находилась близ Центрального железнодорожного вокзала. На остановке маршрутных автобусов, Света и Таня стали прощаться...

Таня оставалась здесь, на вокзале, а автор вызвался проводить Свету до Боярки. Встречу из шедевром Городецкого и прогулку по ночному Крещатику можно было оставить: на потом. Автор провожал Свету, не догадываясь еще, что она: «ночная бабочка».

...По дороге, Света, огорошила автора своей откровенностью.

– Таня – лесбиянка! – Вдруг заявила она, и начала рассказывать: – Я познакомилась с ней в больнице. У меня рак. Это такое страшное заболевание. Я проходила там курс химиотерапии. Ты знаешь, что это такое?.. Это очень страшная вещь, скажу тебе!.. Перед этим меня муж так избил. Так избил. Мне было так больно. Так больно. Он сломал мне два ребра. Я так долго лежала в больнице. Все лечилась... Там я и встретила свою подругу. Она там такое вытворяла! – На этом слове она как-то сразу осеклась, посмотрела на автора

сверлящим взглядом, мол, стоит ли дальше делиться своими яркими впечатлениями.

К счастью снова обозвался ее мобильник (звонила эта ее подруга-лесбиянка), и она ушла в переговоры.

...Они ехали где-то уже за Большой окружной дорогой. Приближался вечер. Света закончила переговоры со своей подружкой, и снова принялась загружать автору мозги по одной ей знакомой программе.

Ее странные рассказы, лишённые всякой внутренней логики, постоянно сбивали автора с толку; мозг отказывался принимать потоки поступающей информации.

– Ко мне недавно приехал муж с Харькова, – щебетала Света. – Поэтому мы не можем пойти сейчас ко мне. Он очень злой. Он живет за мой счет, нигде не работает, живет в моей квартире, которую я снимаю вместе с сыном...

Автору этих строк захотелось чем-то помочь этой заблудшей женщине. Совершить в ее честь какой-то героический, рыцарский поступок во имя ее.

– А хочешь, я поговорю с ним? – спросил автор.

– Ты не сможешь мне ничем помочь, – торопливо заговорила Света, как бы стараясь увести автора от темы начатого разговора: – Я знаю, о чем я говорю, а ты нет. Ты не знаешь моего мужа. Он очень страшный человек. Он убьет меня и тебя, если надо. В последний раз, он так сильно бил меня! Я долго лежала в больнице...

– Почему ты не выгонишь этого паразита?

– Легко так сказать!

– Муж, я так понял, отец твоего ребенка?

– Да! – отвечала Света

Она внимательно посмотрела на автора. В ее взгляде можно было прочесть что-то вроде неподдельного недоумения. «Ты, в самом деле, не понимаешь, кто я такая?», – как бы спрашивали ее грустные глаза, в которых угадывалась настоящая актриса. В этот момент, его лицо напоминало печальный образ Дон Кихота Ламанчского. На Росинанте своей мечты, он быстро созревал для ратного подвига ради своей возлюбленной. Дульцинеи. Света это быстро оценила, и, не отрывая очаровательного взгляда от своего романтического героя, продолжала словесную игру.

– Пусть будет все, как есть, – шепнула на ухо «прекрасная дама». – Я – погибла. Никто мне не сможет помочь, – трагическим голосом, продолжила дама. – Никто! Даже, ты... кроме меня самой. Мне придется стать другой. Я все делаю для этого. Когда я соберу деньги, я куплю себе новый дом, заберу туда своего сына, и мы поселимся в нем все вместе. – Она написала свой телефон на клочке бумаги и сунула ее в карман автору. – Мы сможем связаться по этому номеру. Ты сможешь приехать к нам...

Со стороны это уже сильно смахивало на модные в среде сексуальных партнеров ролевые игры. В такие минуты страсть, гормоны делали свое дело, люди начинали верить в самые фантастические слова. Они были вдвоем, отвоевав

место во враждебном мире. Два одиночества, затерявшихся в космосе человеческих отношений!

– Я буду приезжать к тебе, когда ты этого захочешь. Я обязательно приеду к тебе, – прошептал автор, увлекаясь ее игрой.

Придумывая продолжение интересному разговору.

– Я никак не пойму одного, как ты только терпишь мерзавца, своего мужа? Он живет в квартире, которую ты снимаешь. Ездит на твоей «тачке», которую ты арендуешь. Ест твою еду, которую ты зарабатываешь. И, к тому же – он тебя бьет и унижает! А ты не можешь его выгнать? Вот чего уж совсем я не понимаю...

– Давай больше не будем говорить об грустном, – сказала Света, одарив его нежным взглядом.

– Муж должен заботиться о вас?

– Не говори так...

– А как говорить? Я спрошу, как ты захочешь...

– Ты, похоже, так и не догадался о ком идет речь?

– А, о ком?..

– Давай, не будем говорить об этом...

– А я хочу все знать!

– Ты такой забавный в непонимании моей подноготной.

Вот поэтому тебе и нужна совсем другая женщина. Сегодня у нас ничего не получится. Люди как ты, очень большая редкость. Все мужики сволочи, не похожие на тебя...

– Так уж и все?

– Ну, может быть, остались такие, – она осеклась, на полуслове.

Она осеклась на полуслове... и, тут же, уюмившись автору на колени, начав целовать его в губы. Ее уста были холодны. Словно неживые. Словно искусственные цветы на кладбище. Да и сам процесс выдался каким-то механическим, малоинтересным...

– Вот мы уже, почти, и приехали, – сказала Света, выглянув в окно маршрутки. – Спасибо за то, что нашел время проводить меня. До Академгородка отсюда ходит маршрутка (она назвала номер)...

...Потом они стояли на каком-то перекрестке. Автор знал, что это будет их последняя встреча. Он не позвонит ей по найденному в кармане номеру телефона, быстро во всем разобравшись.

Перед ними остановилась какая-то легковушка, и, Света, помахав на прощанье рукой, скрылась в ее чреве...

...Автор ехал из Боярки, и быстро прозревал. С него быстро сползал романтический флер, который он напустил на себя в последние месяцы, живя помыслами своей романтической юности. Он постепенно возвращался в свою драматическую реальность, к мыслям о рутинной работе, к отношениям с коллегами, друзьями и недругами. Образ этой накрашенной женщины быстро тускнел, как бы утопая в глубинах его сознания. Как, тут же, неожиданно его поразила ослепительная догадка: да это же была обычная проститутка! Будь

он чуть-чуть поопытнее в делах продажной любви, он бы сразу же догадался обо всем. Одного ее вида стало б достаточно, чтоб открыть для себя эту сферу человеческой деятельности. Она окучивала автора набором обязательных, для раскрутки клиента, привлекательных слов.

«Как все элементарно! Муж, о котором она твердила, конечно же, был ее сутенер». – Автор улыбнулся своей новой догадке. В салоне он находился один. Поэтому не кому было заподозрить его в неадекватности.

«Теоретически можно было бы купить ее продажную любовь, – рассуждал внутренний голос, – но, практически, это неосуществимо, он не знает кодовых слов, необходимых для соответствующего подхода. Это она предприняла сближение. Они были с разных миров. Даже, из разных галактик. С разных макрокосмических уровней. Каков уж у него мог быть опыт общения? Это безобидное приключение можно рассматривать только, как сырье для написания какого-нибудь свежего рассказа».

Само по себе в мозгу всплыло название этого рассказа: «Грязь и романтика». Автору захотелось, чтоб именно такое название носил его будущий рассказ, сюжет которого создавался в данную минуту. Уж так распорядилась судьба, чтоб его романтическое настроение, заставило его отправиться за книгой на Петровку, после чего завязалась эта безобидная эпопея с двумя блудницами, отливающаяся в сюжет нового рассказа. Автору хотелось, чтоб будущий рассказ читался

именно так, как он складывался в тот день.

...Маршрутка уже бойко мчала по Окружной дороге, в сторону Академгородка. Все это были излюбленные места скопления киевских проституток. Это были их пажити. Здесь они обычно поджидали своих клиентов. Автор выискивал их взглядом на тротуарах, и, ему казалось, что он находил их под фонарями, на обочинах дорог; везде, где только видел женщин. В каждой из них, в тот вечер, он пытался разглядеть ночную бабочку.

Неожиданно, автор обнаружил, что: все еще теребит в руках книгу о таёжных растениях. Он, словно бы, инстинктивно прикрывался ею, от всевозможного блуда. С подобной книгой, ему не страшна была любая проститутка! Вряд ли жрица любви, при всем ее желании, смогла бы посягнуть на владельца такого сокровища! Только с такой книгой, как со щитом, возможен законченный образ бессмертного Дон Кихота!

От приступа внутреннего хохота, спасала только успокоительная мысль о том, что, во внутреннем кармане пиджака, осталась нетронутой авторская зарплата. Автор должен был положить ее на пластиковую карточку, и, почему-то, оставил ее у себя, путешествуя с нею в обществе двух жриц самой древней профессии.